

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра современного русского языка

Чернова Анастасия Олеговна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ
И ПОВЕСТЕЙ «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН» В.П. АСТАФЬЕВА

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
канд. филол. наук,
доцент

Руководитель канд. филол. наук,
доцент Замыслова В.Н.

(дата, подпись)

Дата защиты 21 июня 2024 г.

Обучающийся
Чернова А.О., НЗ – Б19А_02
(ФИО, группа)

(подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы исследования лингвистической категории эмотивности	
§ 1.1. Общие проблемы изучения эмотивной лексики	5
§ 1.2. Эмоции в языковом отражении	11
§ 1.3. Содержание понятий эмотивности, оценочности, экспрессивности и их разграничение	15
Глава 2. Анализ употребления эмотивной лексики в произведениях Виктора Петровича Астафьева	
§ 2.1. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте на материале повести В.П. Астафьева «Последний поклон»	26
§ 2.2. Средства выражения эмотивной лексики в повести В.П. Астафьева «Последний поклон»	36
§ 2.3. Эмотивность в диалоге и эмотивный диалог в русском художественном тексте	40
§ 2.4. Методическая разработка интегрированного урока по изучению эмотивной лексики в цикле повестей и рассказов «Последний поклон» В.П. Астафьева в 6 классе	46
Заключение	49
Список использованных источников	51
Приложение №1	56
Приложение №2	58
Приложение №3	60
Приложение №4	68

Введение

Сфера изучения соотношения языковых единиц и выражаемых человеком эмоций на протяжении многих десятилетий интересна советским филологам. Конец XX начало XXI столетий отличается обширным лингвистическим материалом в области выявления закономерностей, специфики, параметров психологических и лингвосociологических измерений коммуникативных процессов.

Современная наука считает, что главное в психологической сфере человека – эмоция, которая всегда явно или скрыто, сопутствует любому высказыванию и отражается в нем по-разному. «Эмоции, - как отмечает Л.Г. Бабенко, - пронизывают жизнь человека, сопутствуют его любой деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [Бабенко, 1989, с.123].

В зависимости от различных факторов, таких как: личностных, языковых, социально-психологических обуславливается эмоциональный аспект коммуникации. На протяжении многих десятилетий исследователи изучают проблему влияния данных факторов, в том числе и личностных на реализацию взаимодействия личности в диалоге и полилоге, а также на построение аппарата измерения этих отношений. Сама же языковая личность может быть адекватно описана только в рамках коммуникативной оппозиции - в диалоге, через акты общения. При этом целесообразно применение принципа интегрального подхода к исследованию эмоцио-вербальных параметров языковой личности, принципа включенности языковой личности в коммуникацию. Кроме того отмечается, что через построение диалога происходит формирование речевых действий, интенсивность которых зависит от репрезентации, оценивании, сравнении. «В результате отношения между коммуникантами изменяются по всем направлениям, что специфическим образом репрезентуется в эмоционально-эмотивном регистре коммуникации» [Волкова, 2017, с.140].

Описанной выше структура является значимой для эмотивной области, так как ее вербальная функция в настоящее время становится предметом исследования, как в области теории коммуникации, так и в рамках теории текста, а также в теории речевых актов, теории дискурса, теории вербальной коммуникации. Исследователь С.В. Ионова отмечает, что «эмотивность языка, речи, текста, - это та область исследования, которая приобретает фундаментальность, теоретическую и практическую значимость лингвистических работ, выполняемых в этом направлении» [Ионова, 2013, с.12], этим и обусловлена **актуальность** данной темы.

Цель данного исследования – провести анализ своеобразия функционально-семантического аспекта эмотивной лексики в произведениях Виктора Петровича Астафьева. Объектом исследования является эмотивная лексика как языковая категория, предметом – эмотивная лексика в цикле повестей и рассказов «Последний поклон» Виктора Петровича Астафьева.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) изучить теоретические основы категории эмотивности в языковом аспекте;
- 2) исследовать особенности эмотивной лексики в контексте художественного произведения;
- 3) провести анализ способов выражения эмотивности в повести;
- 4) определить функции категории выражения, в аспекте лингвистики текста;
- 5) выявить способы выражения эмоций персонажей художественного произведения.

Материалом для исследования послужил цикл повестей и рассказов Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон».

В работе применялись следующие методы исследования:

- 1) Описательный с элементами статистического.
- 2) Филологический анализ художественного текста.

Практическая значимость работы состоит в том, что исследуемый материал может быть применен на практике преподавания в школе, а также во внеурочной деятельности.

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования лингвистической категории эмотивности

1.1. Общие проблемы изучения эмотивной лексики

Эмоции играют важную роль в формировании взгляда человека на реальность. Данный факт связан с тем, что во время коммуникации проявляются эмоции, которые делают человека объектом и субъектом познания. С рождения и всю сознательную жизнь человеку свойственно проявлять чувства и эмоции, соответственно, они будут являться индикаторами различных состояний человека. Кроме того через проявление чувств и эмоций можно узнать о жизненном опыте человека, о его взглядах на те или иные события, а также отношение к окружающему миру, ценностям и прочие параметры его личности.

Рассматривая эмоции с точки зрения науки, необходимо рассматривать и другие сферы влияния на них, так например: область психологических отношений. Это связано с тем, что сформировавшаяся на сегодняшний день философия антропоцентризма влияет на научные исследования ученых и позволяет им утверждать, что эмоции постигаются не только в психологии, но и в языкознании. Так известный советский ученый Н.А. Иванов отмечает, что «XXI век – тот самый период, когда лингвистов интересует человек, например, то, как ментальность проявляется в языке, то, как иерархия ценностей отражается в загадках, пословицах и иных текстах» [Иванов, 2004, с.10].

Все явления, которые происходят в мире, закономерны и имеют определенную цель, в том числе и сфера эмоций. Соответственно данная сфера может выражаться и в языковых науках через лексические единицы или с помощью невербальных средств. Ученый В.И. Шаховский отмечает, что «и в первом, и во втором случае эмоции получают лексическое облачение: только если в первом случае текст конкретно говорит о том, что человек испытывает, то во втором лексика передает лишь то, как человек невербально отреагировал на ту или иную эмоцию или эмоциональное состояние: почесал лоб,

отвернулся, опустил глаза, захлопнул дверь и так далее» [Шаховский, 2016, с.125].

Кроме того ученые и исследователи в области эмотивности изучают вопрос проявления эмоций в языке, особенно вызывает интерес метод воздействия писателя на читателя. Также в настоящее время объектом исследования являются инструменты выражения эмоций в языке и правильность их восприятия слушателем [Лукьянова, 2009, с.213].

Изучая методы воздействия посредством эмоций, ученый А. Вежбицкая заостряет внимание на проблеме интерпретации названий эмоций, рассматриваемых в разных аспектах и языках. Основываясь на исследованиях А. Вежбицкой было выявлено, что языковые примитивы формируют определенную модель, которая является фактором их применения. Примитивы, полученные таким способом, являются дефинициями, которые равно легко понимаются представителями самых разных национальностей. Каждый человек может понять значение того или иного слова на уровне интуиции. Лингвист А. Вежбицкая в своих трудах отмечает, что при описании языков необходимо разделять такие понятия, как врожденные и универсальные явления. Под первыми следует понимать такие понятия, которые не относятся к познанию мира, не являются его продуктом. Универсальные же являются итогом формирования картины мира [Вежбицкая, 1996, с.14].

Стоит уделить внимание области классификации эмоций, так как данная область вызывает различные споры и разногласия среди ученых лингвистов. Данный факт обусловлен тем, что в лингвистической науке классификация любой сферы вызывает критику и суждения, что говорит о том, что у лингвистом разные взгляды на то или иное явление. Рассмотрим классификацию, предложенную исследователем А. Вежбицкой, она разделила эмоции на 5 классов:

«1) негативные эмоции – возникают посредством негативных событий, например: кража имущества, возникновение аварий, пожаров, потеря близкого;

2) позитивные эмоции – возникают посредством приятных жизненных событий, например: получение диплома, регистрация брака, появление младенца, получение денежных выплат;

3) эмоции, возникающие из-за плохих поступков – возникают из-за поступков окружающих, относящихся не только к адресату, но и к остальным людям, например: осуждение, порицание;

4) эмоции, связанные с оценкой и принятием себя – возникают из-за размышлений о своих поступках, достижениях, смысле собственной жизни, например: критичное отношение к себе или наоборот ироничное, адекватное;

5) эмоции, связанные с отношением к другим людям – возникают из-за различных поступков людей по отношению адресату, например: отличие мировоззрений и взглядов на определенные вещи, ценности и т.д.» [Вежбицкая, 2018, с.89-91].

Кроме того филолог А. Вежбицкая неоднократно исследовала в своих трудах явление эмотивности. Например, «главная заслуга лингвиста в контексте исследования эмотивности состоит в том, что она представила в своих трудах прототипы, иначе их можно назвать сценариями, которые дают понять, в какой очередности у личности возникают эмоции, желания и чувства» [Вежбицкая, 1996, с.86].

Необходимо отметить, что изучая проявление эмоций, исследователи зачастую рассматривают данную область через лексические единицы. Кроме того, отмечается, что «главное преимущество лексических единиц заключается в том, что они обладают эмоциональным тоном, который имеет свой лимит, возможно, ввиду того, что есть ограничения и у эмоциональной формы лексемы. Известен факт, что одним из элементов лексемы выступают эмоциональные тембры. Однако в процессе коммуникации наиболее

эффективно эмоции передаются через разные оттенки тона, которые определяет некий символ» [Пиотровская, 2007, с.28-29].

В рамках исследования данной проблематики стоит обратить внимание на труды ученого-лингвиста И.В. Арнольд, которая говорит, что «если лексема выступает репрезентатором эмоционального состояния, в ней в обязательном порядке должен содержаться эмоциональный компонент. Лексемы, обозначающие эмоциональные состояния, можно разделить на две группы: эмоции и чувства. Первые по своей длительности захватывают весьма короткий временной промежуток. Эмоция – то, что внезапно вспыхивает и так же быстро гаснет. Чувства же характеризуются значительно долгой жизнедеятельностью: для того чтобы они появились, также необходимо определенное время. К первой группе эмоций можно отнести такие лексемы, как радость, огорчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление, негодование. Выражать чувства могут следующие слова: любовь, ненависть, неприязнь, уважение и т.п.» [Сребрянская, 2008, с.200].

Так по утверждению ученого В.П. Беянина считается, «что под эмоционально-смысловой доминантой подразумеваются некие когнитивные и эмотивные идеалы, характеризующие определенного человека. Данные эталоны являются психической базой и, соответственно, причиной появления, формирования переносного значения и выражения картины мира посредством языковых символов в тексте» [Беянин, 2018, с.137]. Соответственно данные функции эталонов будут способствовать возникновению метафор.

Опираясь на работы отечественного лингвиста В.И. Шаховского необходимо отметить, «что эмотивность выступает в роли семантического компонента слова в языке. В данном компоненте объективируются самые маленькие ее смыслы и значения, которые называют эмотивными семами. Эмотивность принимает активное участие в выражении эмоций в значении лексемы» [Шаховский, 2018, с.139].

Отмечается, что основные эмоции, такие как: «грусть» и «радость» живут с человеком постоянно, поэтому ученый А. Вежбицкая уделяет особое

внимание их проявлению и интерпретации. Данная область изучения вызывает интерес у многих исследователей, так как эти эмоции вызваны, как правило, восприятием окружающих и делением их на категории - «хороший», «плохой». Поэтому, по мнению ученой, «эмотивная семантика, как правило, функционирует в денотативном макрокомпоненте понятия и является элементом семантики слова. Следовательно, эмотивное значение определяет саму семантику лексемы» [Вежбицкая, 1996, с.13].

Например, исследователь И.Е. Герасименко в своих трудах, изучающих контекст познания эмотивности, «основывается на коннотации, репрезентируемую как понятие, представляющее собой комок информации, который относится не только к понятию лексем, но и к ассоциациям, которые они вызывают». У В.И. Шаховского, например, имеется деление на виды термина «эмотивность», также стоит отметить непревзойденный вклад в исследование данной области, так как он выделил следующие виды «эмотивности»:

- «– собственно эмотивность;
- эмотивность, которая выражает значение слова, т. е. испытываемая эмоция уже заключена в семантике слова;
- контекстуальная эмотивность» [Шаховский, 2018, с.13].

Отдельного внимания заслуживает новое на сегодняшний день понятие «эмосема», которое значит следующее: «эмосема» - это определенная единица, которая состоит из некоторых значений, характеризующих определенные эмоции, испытываемые человеком. Кроме того данный термин является частью семантики слова, которая включает в себя семантический признак эмоции. Эти эмоции являются совокупностью признака и значения эмоции, например: «страх», «грусть», «любовь», «радость». Отмечается, что список слов, рассматриваемых выше можно дополнять бесконечно. Кроме того, в этом списке могут быть представлены разные лексемы, которые соответствуют семантическому признаку. Важно отметить, что понятие

«эмосема» своим появлением обязано исследователю В.И. Шаховскому [Шаховский, 2018, с.108-109].

Также ученый обращает внимание на необходимость различать слова, употребляемые в рамках оценки эмоций. Соответственно требуют различия и те единицы, которые их номинируют. Как правило, такие слова обозначают эмоцию, но не содержат схожий аспект совместно с реакциями [Шаховский, 2018, с.119].

Интересен взгляд исследователя И.В. Арнольд, которая выделяет из общих признаков данную проблему. Она предлагает «разделить на группы те слова, которые имеют различия, так как от этого зависит функция лексической семантики, семантической структуры и синтаксических связей. Следовательно, имеет место быть наглядной зависимости степени выражения эмоции словом от денотативного значения, которое не стирается, а синтаксические связи обязательны» [Шаховский, 2018, с.117].

Таким образом, опираясь на лингвистические исследования ученых можно сделать следующий вывод:

- понятие «эмотивность» является частью структуры лексического значения слова, которая на протяжении многих лет исследуется выдающимися советскими филологами, но, тем не менее, является до конца не изученной;
- наблюдается расхождение во взглядах на определение термина «эмотивность», относительно отдельных аспектов в области психолингвистики;
- отдельные пункты классификаций эмоций остаются недостаточно раскрытыми [Тарасова, 2015, с.39].

1.2. Эмоции в языковом отражении

Как уже отмечалось выше, возникновение эмоции зависит от внешних обстоятельств и явлений, эмоция является продуктом состояния разума. В зависимости от ситуации, из глубины нашего сознания всплывают на поверхность некие смыслы, о которых даже не подозревают люди. Исследуя

данную область, ученые выявляют интересные закономерности, такие как: «новые валентности у, казалось бы, давно известных эмоций, нанося значительный ущерб, как качеству самой коммуникации, так и здоровью конкретной языковой личности и, в конечном счете, всему социуму» [Романов, 2004, с.387].

Ученые лингвопсихологи выделяют такие понятия как:

«- эмоциональное выгорание, истощение, деформация личности; - вспышка, взрыв, температура эмоций, возгонка эмоций; кипение эмоций, эмоциональная покупка, эмоциональный подвиг, эмоциональная тупость, возгонка ненависти (через СМИ), схватка зловещих эмоций».

Данные понятия создаются, как правило, в профессиональной деятельности журналистов, важно отметить, что они становятся разрушительными для коммуникации.

Кроме того ученые выявили новое понятие эмоциональности. Отмечается, что современному человеку свойственно испытывать эмоции опустошения, поэтому новое понятие обозначили, как: «эмоциональный нуль». «Эмоциональный нуль» является признаком отсутствия эмоций и как, правило, внешне не проявляется. Но является крайне важным в проявлении коммуникации, так как значительно влияет на ее качество.

Еще одно, не менее важное понятие выявили психологи – «эмоциональная тупость», при котором человек проявляет полное отсутствие интеллекта. Соответственно коммуникация с таким человеком не имеет результата, а значит и не интересна. Поэтому эмоциональное начало у человека имеет огромное значения для изучения данной области. Известно, что находясь в эмоциональном состоянии человек способен на различные действия, о которых может впоследствии сожалеть. Таким образом, можно утверждать, что проявление эмоций может быть опасным и вызывать трудности в общении. Всем известно, что современный мир не обходится без коммуникаций, кроме того общение является важным аспектом в повседневной жизни, карьере, обучении человека. Поэтому ученые

настаивают на том, что данная область имеет важное значение, как для науки, так и для человечества в целом. Также ученые отмечают, что формирование когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности является инструментом, способным наделять коммуникантов определенными знаниями, способствующими помогать управлению собственными эмоциями. Кроме того, изучение данной области сформирует правильное поведение человека при сильном эмоциональном состоянии и поможет снизить негативное воздействие эмоций на разум, что поспособствует развитию позитивного мышления, а значит сохранит психическое и физическое здоровье человека [Шаховский, 2018, с.107].

Кроме того, ученым В.Г. Шаховским отмечено, что «проблема «язык и эмоции» должна решаться на уровне научных исследований, но тем не менее изучение данной проблемы возникло относительно недавно. Так в конце XX века зародилось понятие «антропоцентрическая научная парадигма», которая подтвердила, что негативные эмоции приводят к разрушению ума, так как они имеют свойство довольно быстро распространяться извне. В.Г. Шаховский описывает это явление так: «и тогда «кипит наш разум возмущенный и в смертный бой идти готов»». Что подтверждает теорию о том, что в эмоциональном состоянии человек не способен управлять собой, что приводит к печальным последствиям, которые распространяются на все сферы жизни людей.

Ученые считают, что наука, которая изучает эмоциональную сферу языка, является сложной и многогранной, так некоторые ученые предлагают использовать нетривиальный подход к изучению данной области, поэтому учение об эмоциях необходимо расширять, вводить новые понятия и применять в различных сферах жизни человека. В настоящее время современная наука претерпевает глобальные изменения, поэтому изучение эмоций выходит на новый уровень. Соответственно сфера изучения эмоций является молодой и мало изученной. Как отмечалось выше, большое внимание к изучению данной проблемы уделяет лингвист В.И. Шаховский, который

демонстрирует своими работами важность исследования эмоций для будущего поколения. Его труды и сейчас являются актуальными и востребованными, так как он создает новые терминологии и творческие инновации. Так в конце XX века она разработал категории эмоций, которые описывают новую область изучения лингвистики, также ученым выделены нетрадиционные типы и способы эмоциональной лексики [Шаховский, 2018, с.117].

Известные всему миру филологи, при изучении эмотивной лексики, и сегодня опираются на диссертационную работу В.И. Шаховского, кроме того многие из них полагают, что «данная работа не должна рассматриваться как законченный труд: идеи, которые в ней заложены, составили фундамент для многих лингвистических исследований, которые появились намного позже». Кроме того, отмечается, что ученый в своей работе детально изучил, так называемое, ядро личности человека посредством языка, что является фундаментальным в изучении принципа антропоцентризма, который был на пике популярности, на сломе тысячелетий. Так именно эмотиологами была предложена новая модель языковой личности с учетом субъективной сферы человека: «Ни в одном из этих макропазлов знаний и конституирующих их микропазлов в содержание языковой личности не включена в полной мере эмоциональная компонента» [Иванова, 2016, с. 34].

Кроме того, в 2018 году В.И. Шаховским была представлена когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности: «в матрицу (модель) языковой личности исследователи включают еще и огромный объем знаний о ее эмоциональном аспекте, который составляет пятый макропазл матрицы эмоциональная коммуникативная личность – идея соединения рационального и эмоционального в человеке, его языке и речи, снятие непроходимой границы и разрыва между двумя когнитивными сферами стали началом объяснительной лингвистики эмоций [Шаховский, 2018, с.121].

Область субъективности личности подверглась анализу со стороны исследователей, в рамках формирования природы речевой активности. Кроме

того, они описали смысловую значимость эмоциональной картины мира и подтвердили наличие эмоциональных типов коммуникаций. Полученные знания удалось обосновать в рамках развития идеи существования эмоциональных единиц [Шаховский, 2018, с.110].

Выдающимся ученым, внесшим огромный вклад в развитие лингвистической науки в области эмотивности, является Р.В. Штеба, который решил проблему изучения антропоцентрической науки посредством постановки проблемы, решившей задачу эмоциональной составляющей разных видов дискурса. Отметим, что указанных дискурсов выявлено несколько видов, таких как:

- политический – автор Е.И. Шейгал;
- медицинский – автор В.В. Жура;
- спортивный - автор В.Р. Богословская;
- межличностный – автор Ю.А. Сорокин;
- романтический - автор Т.Г. Ренц и др.

Кроме того, в научном мире зародилось изучение прагматики речевых механизмов личности, которое выявляет особенности ее эмоционального поведения, например:

- виндиктивного – автор И.И. Чесноков;
- аффективно-деструктивного – автор Я.А. Волкова;
- лестного - автор В.В. Леонтьев и др.

«Учитывая влияние того времени, эти вопросы были инновационными и по сей день остаются в числе актуальных вопросов лингвистики» [Штеба, 2014, с.179].

1.3. Содержание понятий эмотивности, оценочности, экспрессивности и их разграничение

Как отмечалось выше, область изучения категории эмотивности является крайне сложной в рамках структурирования, так как данная сфера

напрямую относится к психологии человека, а именно к его эмоциональному состоянию. Различные исследователи в области психолингвистики делали неоднократные попытки сотворить копию модели эмоционального высказывания. По мнению лингвистов, «реализовать данную идею является затруднительным, в связи с тем, что выяснилась проблема индивидуальности этого явления, поскольку прогнозировать его оказалось вряд ли возможным. Границы данной категории крайне не четки, как правило, их можно различить в основном в художественных текстах» [Коростова, 2009, с.89].

Отмечается, что исследование экспрессивной выразительности, а также изучение способностей и возможностей языка к воспроизведению эмоциональной интенции адресанта началось раньше появления эмотиологии, выработки ее терминологического аппарата и становления, так называемого эмотивного подхода в лингвистике, поэтому описание их целесообразно провести в ретроспективе. Большинство крупных советских филологов середины XX века занимались выявлением и решением данного вопроса, отметим их: В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, В.А. Звегинцев. Считается, что они стали основоположниками понятия - «эмоциональность» и «экспрессивность», а также ввели его в научный оборот и стали обширно применять.

Значительно позже, в конце XX века данную проблему описывают в научных статьях, кроме того раскрывают более детально и широко такие выдающиеся лингвисты как: В.Г. Гак, В.И. Безруков, М.Н. Кожина. Стоит отметить, что у них другой взгляд на эмоциональную экспрессивность, с точки зрения ее функции в коммуникации. В череде различных ученых необходимо отметить, лингвиста В.Г. Гака, который «обозначает экспрессивность как выразительность речи индивида, чаще всего соотносящуюся с насыщенностью и имеющую цель увеличить влияние на слушающего, поразить или убедить его» [Шаховский, 2018, с.125].

Кроме того, «понятие «экспрессивность речи» раскрывалось не как нейтральность речи, так как ее яркость, необычность, проявляется через тот

сигнал, который она передает своим усиленным языковым выражением. Как правило, сигнал речи, который отличается от общего речевого потока применением специальных лингвостилистических приемов. Или, если он возникает в результате восприятия ассоциативно-образного представления, и вызван данным выражением, а значит и служит стимулом для позитивной либо негативной эмоциональной реакции адресата» [Шаховский, 2018, с.129]. Следовательно, экспрессивность языка исследовалась учеными филологами в целом как категория коммуникативного плана.

Значительное количество лингвистов изучала «эмотивность» как составную часть экспрессивности, например ученые: И.В. Арнольд, Е.М. Галкина-Федорук, И.Р. Гальперин. Кроме того филолог Е.М. Галкина-Федорук имела мнение, что «речь набирает яркость и выразительность через усиление экспрессивности, тем не менее, выражение эмоций, по ее мнению, это всегда экспрессивно, но экспрессия не всегда может быть эмоциональна» [Кобрина, 2006, с.99].

Отметим коллектив выдающихся лингвистов, по мнению которых эмоциональность и есть средство создания экспрессивности: Т.Г. Винокур, Н.А. Лукьянова, Ю.М. Телия. Эти ученые полагают, что экспрессивность является своего рода «аффектом, создаваемым в речевой деятельности выражением эмотивного отношения говорящего» [Коростова, 2012, с.30].

Кроме того, трудности взаимодействия таких понятий как: «эмотивность» и «экспрессивность» в целом зависят от дихотомии языка и речи. Данный факт отмечался и раньше, в конце XX века происходили столкновения между сторонниками и противниками, которые разделили эти понятия в своих трудах, которые посвящены семантике и стилистике, отметим из: Н.М. Кожина, И.Р. Гальперин, В.Н. Телия. Данные споры и штудии завершились признанием «эмотивности» как сущности речи, но истоком, которой является языковая единица. Данный факт положил начало влиятельного курса в изучении эмоций на лексическом уровне языка. Поскольку крайне закономерно, что исследование «эмотивных» частей

языковых единиц и возникновение лингвистической концепции эмоций положило начало изучению структуры семантики слова и нахождения опоры и роли эмоций в этих структурах. Развитие семасиологии положило начало возникновения яркости языковых единиц, которая изучается в настоящее время других сторон, чем ранее.

Можно сказать, что одновременно зародилось укоренение нескольких теорий, которые последовали вслед за теориями ученых филологов в данной сфере, таких как: Л.Г. Бабенко и В.И. Шаховский. Исследователь В.И. Шаховский предложил «разделить данные термины, так как на первый план вышли принципы когнитивной лингвистики». «Соответственно, опираясь на лексикологический подход, появилось разграничение между лексикой, называющей эмоции и вызывающей эмоциональный отклик адресата». Стоит отметить, что крайняя категория слов исследуется учеными через системное описание значения, следовательно, в данном случае эмоциональность теряет речевую самостоятельность и соответственно делается экспрессивно-синонимической» [Шаховский, 2018, с.131].

Группа ученых согласна с утверждением В.И. Шаховского и обозначает данное понятие следующим образом – ««эмотивность», которая понимается как функционально-семантическая категория, служащая внешней трансляции языка (языковыми личностями) своего эмоционального состояния и отношению к миру и обладающая прагматичностью на лексико-семантическом уровне» [Шаховский, 2018, с.122].

Наука лингвистика конца XX века придерживается следующей теории - имена эмоций не относятся к эмотивным способам, так как «у языка... нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы». Исследователь В.И. Шаховский в своих трудах рассматривает проблему выражения эмоций с разных планов, в том числе и его последователи. Он эту проблему трактует так: «наименование эмоций, наряду с лексикой, описывающей и выражающей эмоциональные состояния, составляют систему лексических эмотивных средств, поэтому в понятие эмотивности включается

такие ее объекты, как эмотивная лексика и лексика эмоций» [Шаховский, 2018, с.121].

Обращаясь к проблеме соотношения содержания терминов «эмотивность» и «экспрессивность», исследователь В.И. Шаховский пишет, что первая категория значительно обширна, что не скажешь о второй. Ученый выяснил, что «эмотивность» не всегда является экспрессивной, так как «эмотивность» – это скорее имманентное свойство языка. Кроме того, в данном контексте экспрессивности противопоставляется нейтральность. Нейтральность же, в свою очередь имеет способность выражать конкретный смысл, а именно: «не выраженность эмоций в речи и их редуцированный характер» [Шаховский, 2018, с.130].

Рассматривая функции, которые используются в речи, понятие «экспрессивность» имеет прагматический аспект в коммуникации и в таком ракурсе, как правило, выступает синонимом интенсивности. Термин «экспрессия» в данном контексте выражается в категории, реализуемой на разных уровнях языка, через фонетические, лексические и синтаксические средства. Эта категория воспроизводится на прагматическом, семантическом и стилистическом уровнях текста и создается за счет эмотивного и предметно-логического понятийного содержания текста. Так «эмотивность» можно назвать частью экспрессивности, которая воспроизводит влияние текста на эмоциональную, неинтеллектуальную сферу психики человека. По мнению лингвиста В.И. Шаховского «она выступает средством выражения эмоций, чувств, аффектов и настроения адресанта, передает его отношение к предметам и явлениям объективной реальности, а также оказывает воздействие на чувства других» [Шаховский, 2018, с.123].

Итак, в целом, можно выделить два подхода к изучению экспрессивности и эмотивности: семасиологический (В.Г. Гак, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, В. И. Шаховский) и лингвостилистический (И.Р. Гальперин, Ю.Н. Караулов, Т.Г.Степанов). Экспрессивность с позиций семасиологического подхода понимается как семантический признак слова,

равно как и эмотивность, а с точки зрения лингвостилистического подхода экспрессивность понимается как категория, проявляющаяся лишь в коммуникативном акте как результат отбора эмотивных языковых единиц и особых языковых форм в процессе общения.

На данный момент доминирующей в науке является точка зрения, согласно которой эмотивность, в рамках лексикологического подхода, изучается в качестве элемента коннотативного значения слова. Зачастую коннотация рассматривается как общность эмоционального, экспрессивного, оценочного и стилистического элементов (И.В. Арнольд, В.А Булдаков, И.А. Стернин). В частности, И.А Стернин отмечает, что «возникают сложности не только с разграничением данных компонентов в коннотативной структуре слова, но и с разделением между денотативой составляющей семантики. Автор приходит к выводу о том, что «оценочность» и «эмотивность» присущи и коннотативной и денотативной части в значении слова» [Стернин, 2008, с.17].

В связи с этим интересен также вопрос о месте и роли эмоции в оценочных структурах, дифференциации понятий «эмотивность» и «оценочность». Удивительно точно характеризует состояние дел по данной проблеме Н.Д. Арутюнова: «...литература по этому вопросу необозрима». Проблема отношений эмоциональности и оценки не теряет актуальности, и к настоящему времени количество исследований лишь увеличивается, но вопрос так и остается нерешенным.

Однако, все же, неоспорим один факт – категории эмотивности и оценочности находятся во взаимной связи, но насчет характера этой связи в научной литературе ведутся дискуссии. Согласно одной из точек зрения, существующих в лингвистике, категория эмоциональности и оценочности рассматриваются как нерасторжимые. Н.А. Лукьянова утверждает: «Оценочность, представленная как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [Лукьянова, 2020, с.67].

Аналогичного мнения придерживается и В.И. Шаховский, «который говорит о том, что, так как мышление протекает в форме понятий, а слова как носители понятий имеют в своей семантике эмотивные значения, следовательно, выражение эмоции есть попытка охарактеризовать отражаемый объект и, самое главное, выразить свое эмоциональное отношение к нему. Таким образом, любая осмысленная эмоция – это отношение, то есть не что иное, как оценка. Более того, эмоция может появиться только при оценивающем мотиве» [Шаховский, 2011, с.19].

Иную позицию занимает Е.М. Вольф, «которая рассматривает категорию эмоциональности как целое по отношению к ее части – оценочности. Совершенно другого взгляда придерживается И.И. Квасюк, категорично заявляя, что два данных элемента являются принципиально различными» [Квасюк, 1993: с.29]. Тем не менее, учеными признается тот факт, что два этих понятия являются все же нетождественными, как показывают современные исследования в области психолингвистики. Данный факт доказывается тем, что оценочность не в равной мере свойственна эмоциональной лексике.

Отметим также, что с понятием «оценка» сопряжена еще одна категория – «модальность». «Оценочные понятия являются общепризнанной категорией: модальная логика включает модальность в содержательную структуру понятия, а оценка – компонент модальности». Оценочное отношение может быть и не только рациональным, но и эмоциональным, так как в процессе сигнификации эмоции могут значительно влиять. Но, так или иначе, и в случае рациональной и эмоциональной оценки при окончательном оформлении понятия сознание человека выводит за скобки маркеры эмоций основного (логического) содержания понятий. «Однако эти маркеры остаются в самом значении слова и манифестируются в определенных контекстах речевого общения».

Поэтому они легко могут быть восприняты и определены сознанием носителей языка. Л.Г. Бабенко развивает данную мысль и, частично

соглашаясь с В.И. Шаховским, говорит, что «все же можно выделить эмотивы в их словарном значении, то есть в языке, но не в речи, поскольку слова могут не в равной степени сочетаться и вбирать эмотивные смыслы в свою семантику. Следовательно, можно заявлять о некой эмоциональной шкале переходности» [Бабенко, 1989, с.174].

Долгое время ученым не удавалось создать четкую классификацию и градацию эмотивной лексики. «В связи с этим, появилась необходимость разграничить лексику по принципу градации ее интенсивности и начать изучение форм выражения эмоциональных смыслов, находящихся в семантической структуре слов. Позднее появилась классификация по выполняемым ими функций, разделявшая лексику на эмотивную лексику (номинативная функция) и лексику эмоций (экспрессивная и прагматическая)» [Иванов, 2004, с.14].

Обозначенный подход актуален и на сегодняшний день, но отнюдь не является единственным. Он предполагает, что к лексике эмоций относятся слова, предметно-логическое значение, которых включает понятия об эмоциях. Например, это такие слова, как: гнев, радость, счастье, тоска и т.п. А состав эмоциональной лексики формируется из экспрессивно-эмоционально окрашенных слов, связанных с эмоциональным отношением говорящего к объектам, их оценкой, неким чувственным фоном, например: хороший, плохой, добрый, злой.

Однако, с точки зрения Л.Г. Бабенко, «в таком случае ученый искусственным образом ограничивает объект исследования, данный подход вовсе неверен, и он не показывает настоящего положения вещей и не выявляет лексических средств, отражающих эмоции. Нужно признать, что трактовка семантической структуры слова в любом случае затрагивает эмотивную составляющую, а вместе с тем и оценочную. При этом оценка референта обычно оказывается именно рациональной» [Бабенко, 1989: с.134].

Такой точке зрения на проблему можно противопоставить мнение В.И. Шаховского. Под эмотивностью в семной структуре слова ученым понимается

«отраженность эмоций в слове, обуславливающую его семантическую способность выражать эмоции по сравнению с его способностью называть, именовать, описывать их». А под эмотивным компонентом семантики «подразумевается его структурное подразделение, которое специально предназначено для адекватного выражения эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке» [Шаховский, 2018, с.114].

А слово значение с таким элементом в его семантической структуре обозначается как «эмотив» (эмотивное слово). Таким образом, эмотивами, по мнению последователей Волгоградской школы эмотивной лингвистики, могут являться не только слова, называющие эмоции. Объясняется такой подход тем, что любое понятие содержит в себе оценочность. Отражение явления или объекта в речи сопровождается проявлением эмоций как мотивационной составляющей при когнитивных процессах, то есть человек дает свою оценку референту и использует такой прием в коммуникации, в первую очередь, для того чтобы слушатель узнал о его личном отношении, а не для экспрессии собственных чувств [Сребрянская, 2008, с.19].

Исследователь Л.Г. Бабенко основывается на том, что «рассмотрение семантической категоризации эмоций должно происходить только в отношении к лексике, называющей эмоции, выполняющей номинативные функции, так как в ней «эмотивные смыслы» эксплицитны и более устойчивы, именно эти слова являются знаками эмоций. Но вместе с тем Л.Г. Бабенко придерживается и другого понимания эмотивности, нежели В.И. Шаховский, поэтому и понятие эмотивного значения тоже дается в иной трактовке. В ее понимании, эмотивное значение – это сема, значение в семной структуре слова. Это могут быть междометия, где лексическое значение полностью равно эмотивному значению, они могут входить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номананты), а могут быть и коннотативными (экспрессивы)» [Бабенко, 1989, с.134].

В понимании исследователя В.И. Шаховского, «эта категория более широкая, эмотивное значение – это способ выражения эмоций говорящего,

который охватывает междометия и эмоционально окрашенную лексику. С ним также солидарны многие выдающиеся отечественные филологи (Э.С. Азнаурова, И. В. Арнольд, И.Р. Гальперин). Таким образом, на сегодняшний день в языкознании сосуществуют два подхода к пониманию места и роли эмоций в оценочных структурах лексики. Это точка зрения В.И. Шаховского и Л.Г. Бабенко» [Шаховский, 2018, с. 116].

Мнения названных ученых расходятся, в первую очередь из-за подхода к исследованию. Если Л.Г. Бабенко и ее последователи считают, что «необходимо работать только со словарными значениями лексики, то есть они в большей степени ориентированы на изучение эмотивности в языке, то В.И. Шаховский и ученые Волгоградской школы эмотивной лингвистики, а также многие другие исследователи смотрят на проблему значительно шире и объектом видят речь, а следовательно, изучают эмотивность на всех уровнях языка, в том числе, анализируют и контекстные значения слов, если мы коснемся их взгляда на семантическую структуру слова» [Бабенко, 1989, с.124].

При этом филологи, придерживающиеся второй точки зрения, категорию «оценочность» также рассматривают шире, исходя из того, что любое высказанное слово или фраза по сути своей модальны, а значит, в них уже присутствует оценка уже лишь по факту номинации. Однако все же, роль эмоций в оценочных структурах в обоих направлениях оценивается достаточно высоко. Также следует обратить внимание на термин «эмотивный смысл», который тоже трактуется неоднозначно. Понятие было введено Л.Г. Бабенко, которая в этой связи пишет: «Мы рассматриваем языковые знаки, предметом отображения которых являются эмоции человека, и в дальнейшем для обозначения этого идеального объекта, отображенного в слове, предлагаем пользоваться термином «эмотивный смысл»». «Она говорит о том, что эмоции и чувства – это сущности экстралингвистические, а эмотивные смыслы являются их отражением в языке и компонентами лексической семантики. Эмотивные смыслы несут информацию об эмоциях человека, они

предстают в содержании различных языковых и речевых единиц в виде специализированных семантических компонентов, свойственных этим единицам» [Бабенко, 1989, с.112].

В 2008 году ученый Н.А. Трофимова «предложила свою трактовку понятия «эмотивный смысл», введенного в науку Л.Г. Бабенко, к тому времени уже вполне устоявшегося в филологии, с закрепившимися терминологическими ассоциациями. Достаточно трудно сказать, чем была мотивирована и насколько оправдана такая подмена понятий. И надо отметить, Н.А. Трофимова не ссылается и не упоминает Л.Г. Бабенко ни в одной из своих работ. Эмотивный смысл, по мнению Н.А. Трофимовой – «сложносоставный элемент, представляющий собой неразделимую триаду оценочной, эмоциональной и реляционной составляющих», который накладывается на пропозицию и интенцию, являющийся смысловым базисом любого высказывания» [Бабенко, 1989, с.103].

Также исследователь Н.А. Трофимова считает, что «все три элемента «эмотивного смысла»: оценка («выражение значимости предметов и явлений окружающего мира для жизни и деятельности говорящего субъекта»), эмоциональный смысл и реляционный смысл («не нейтральность отношения говорящего к адресату») составляют сеть взаимообуславливающих смыслов, неотделимых друг от друга, однако выделенных автором по неназванной цели и критериям» [Трофимова, 2008, с.160].

Таким образом, подводя итог анализу научной литературы по данной проблеме, можно однозначно сказать, что к настоящему времени понятийный аппарат, касающийся изучения проблемы «эмоций в языке» не выработан, сейчас сосуществует бесчисленное множество интерпретаций к каждому из рассмотренных нами понятий. И, конечно же, тот список, приведенных нами в статье формулировок далеко не исчерпывается ими.

Трактовка и соотношение тех или иных терминов авторами весьма различается, иногда их точки зрения вовсе противоположны и противоречивы и зависят, в первую очередь, от выбранной ученым системы координат, в

которой ведется исследование; например, от рассмотрения категорий с точки зрения их функций, с точки зрения лексикологического или стилистического подходов к проблеме и целого комплекса иных индивидуальных условий и причин [Шаховский, 2018, с.104].

ГЛАВА 2. Анализ употребления эмотивной лексики в произведениях Виктора Петровича Астафьева

2.1. Методы репрезентации эмотивности в художественном тексте на примере цикла повестей и рассказов В.П. Астафьева «Последний поклон»

Как уже отмечалось в данном исследовании, эмоции являются основополагающими в восприятии мира человеком и соответственно становятся объектом исследования. В соответствии с этим ученые разделили эмоции на категории, для того чтобы детально изучить эту область науки. Следовательно «лингвистическая наука претерпела изменения в области научных интересов, ее стала интересовать личность человека, как непосредственного создателя эмоций. Поэтому объектом изучения стали исследования в этой области, которые описывают, эмоции выполняют роль, которая способствует развитию личности. [Шаховский, 2018, с.101].

Эмотивность стала предметом скрупулезного изучения многих выдающихся лингвистов, о чем говорят научные труды следующих авторов: Е.М. Галкина-Федорук, В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, А.Г. Баранов, В.И. Болотов, В.Т. Гак, М.Д. Городникова, Т.А. Графова, В.А. Маслова, Л.А. Пиотровская, В.И. Шаховский, А. Вежбицкая, С.В. Ионова, Г.Н. Ленько и др. Кроме того, среди таких ученых имеются и зарубежные лингвисты, а именно: В.К. Вилюнас, Е.М. Вольф.

В сферу внимания ученых попали вопросы терминологии и соотношения со смежными языковыми категориями, методологии исследования эмотивности и ее функциональной предназначенности и ряд других. С.В. Ионова отмечает, что «современные работы, посвященные вопросам семантики, прагматики и грамматики, не могут быть полными без учета эмоционального фактора. Многие вопросы, связанные с изучением динамики эмотивного значения, эмотивной валентности, эмотивной коммуникации и прагматики, оказываются неразрешимыми на лексическом и даже синтаксическом языковых уровнях. Современная тенденция в

лингвистике к укрупнению единиц исследования и расширению предмета изучения за счет привлечения все большего количества экстралингвистических факторов делает необходимым исследование эмотивных явлений в контексте единиц более высокого уровня. Изучение особенностей функционирования лингвистической категории эмотивности в тексте является актуальным для лингвистики эмоций и текстолингвистики» [Ионова, 2013, с.12].

Поливариантность эмотивности как категории наиболее явственно выражается в тексте, интегрирующем ее различные категориальные проявления. «Категория текстовой эмотивности является двусторонней, в связи с тем, что она имеет план содержания, который распространяется по всем уровням текста, и план выражения, который представлен набором эмоциональных лексем, посредством которых манифестируются эмоциональные состояния и отношения говорящего».

Исследователь Л.Г. Бабенко в своих трудах описывает методы распознавания эмоций в языке, к таким методам относятся: «эмоциональное сопровождение», «эмоциональная окраска» и «языковые знаки». Это необходимо при исследовании способов выявления «эмотивности» в языке. Таким образом, ученый наделяет понятие «эмотивность» особым статусом, который позволяет изучать данный аспект на разных уровнях. Тем не менее, спор ученых о роли той или иной категории при изучении эмоций в языке, остается открытым. Многие исследователи утверждают, что лексика выигрывает в данном дискурсе и ей отводится главная роль в языковой презентации эмоций.

При этом некоторые ученые определили уровни выражения эмоции в языке, в том числе и исследователь В.И. Шаховский. Он разграничил эмоции на типы, такие как: «собственная эмотивность» и «контекстуальная эмотивность» выводя эти понятия на новые уровни ее выражения, такие как:

«- эмотивное значение;

- коннотация как компонент, сопряженный с логико-предметным компонентом значения;

- уровень эмотивного потенциала» [Шаховский, 2018, с. 36].

Кроме того, важным является исследование функции «эмотивности», так как за счет нее воспроизводится категория в лингвистическом тексте. Так ученый Л.Г. Бабенко выделяет частные текстовые функции эмотивной лексики, к которым относятся:

- «1) описательно-характерологическая функция;
- 2) интерпретационная и эмоционально-оценочная функции;
- 3) интенциональная функция;
- 4) эмоциональнорегулятивная функция» [Бабенко, 1989, с.100].

Как правило «категория эмотивности» выражает эмоциональное состояние, которое можно интерпретировать в художественном тексте, кроме того она может проявляться формально и не проявлять каких либо эмоций. Исследователи при изучении средств выражения эмоций выделяют два способа их проявления, такие как: «эксплицитные» и «имплицитные».

Рассмотрим их, так при проявлении имплицитного метода проявления эмоций происходят физиологические функции, такие как: слезы, рыдание, крик, радостный возглас и т.д. Что касается эксплицитного выражения, то оно происходит посредством мировосприятия. Так, в художественном произведении можно определить эксплицитное проявление эмоций через собственное восприятие описываемых событий. Рассмотрим проявление эмоций предлагаемыми способами на примере цикла повестей и рассказов Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон», данный выбор связан с тем, что этот художественный текст имеет высокий эмоциогенный потенциал. Произведение «Последний поклон» является автобиографичным, Астафьев ведет рассказ о мальчике семи лет, оставшимся без родителей в тяжелое довоенное время. Мальчик повзрослел, ушел на войну и вернулся с нее, но на сердце кровоточила не заживающая рана, которую он пронес через всю

сознательную жизнь. Этой раной было чувство вины перед старенькой бабушкой, которая не пожалела себя, чтобы его вырастить.

Все события, происходящие в цикле «Последний поклон» случились перед началом Великой Отечественной войны, поэтому любовь главного героя к бабушке, которая вырастила его, не смотря на труднейшие события, описаны с особой пронзительной откровенностью. В.П. Астафьев описывает бабушку главного героя так: «во время болезни, из-за которой бабушка не могла встать с постели, он подолгу сидел возле нее и слушал её воспоминания». То, как писатель через главного героя повести характеризует старушку, говорит о мощной эмоциональной привязанности к ней: *«Я глядел на бабушку, дивился тому, что у нее тоже были тятя и мама»*. Описывая бабушкину внешность главный герой показывает насколько сильные эмоции он испытывает: *«Глядел на её морщинистое, с отголоском прежнего румянца лицо, на глаза ее зеленоватые, темнеющие со дна, на эти косицы её, торчащие, будто у девочки, в разные стороны»*. В тексте автор использует части речи, такие как: прилагательные и наречия, что усиливает проявление чувств.

Рассматривая модальное эмотивное поле, можно прийти к выводу о сильной привязанности ребенка к близкому человеку: *«И такая волна любви к родному и до стоны близкому человеку накатывала на меня, что я тыкался лицом в ее рыхлую грудь и зарывался носом в теплую, бабушкой пахнущую рубашку»*. Автор показывает эту сцену через имплицитный метод проявления эмоций, это сделано для того, чтобы ярко и мощно передать эмоциональное состояние главного героя. Так, например, здесь показаны негативные эмоции, связанные со страхом потери близкого человека. Кроме того, в данном тексте передаются сильные эмоции, которые испытывает бабушка по отношению к внуку. В то время случился голод, который вселил страх и тревогу за самочувствие мальчика. Автор описывает картину голода борьбы, тревоги за близких и страха перед завтрашним днем через имплицитное проявление эмоций,: *«- Мужики! Надо что-то делать, мужики... - взревела она. – Пропадет парнишка, А он пропадет – и я не жилец»*

на этом свете. Я и дня не переживу...». Яркий пример выражения эмоций проявляется через ужас и страх, который испытывает бабушка, сопровождая свое состояние всхлипываниями: *«Бабушка недослушала его, уронила голову на стол. Не голосила она, не причитала, как обычно, плакала, насадно, загнанно всхрапывая».*

Отмечается, что внутренне эмоциональное состояние персонажей можно оценить через восприятие ими каких-либо событий, происходящих в художественном произведении. Соответственно по мере раскрытия сюжета можно определить чувства и переживания героев. Во второй части цикла «Последний поклон» происходит процесс дегармонизации. Это связано с тем, что кончилось у главного героя счастливое детство, и началась тяжелая, скитальческая детдомовская жизнь: *«Расхворался я, сдал духом, мне стало жалко самого себя и захотелось умереть. От голода не то, что сосало нутро, прямо-таки ломило живот, ребрами его сдавливало, и где-то там, в пустоте, скатывался под грудью и твердел комок».* «Смерть гнездо из костей вьет с камешком в середине...». Произведения из второй части цикла наполнены чувствами расставания и разлуки: *««Счастье пучит, беда крючит», — говаривала дорогая моя бабушка Катерина Петровна. Неужели было это когда-то? Деревня, русская добрая печка, связки луковиц по стенам, запах вареной картошки и закисающей капусты, с кути дух горячего хлеба, бабушка Катерина Петровна, дедушка Илья Евграфович, заимка на Усть-Мане, весна, ярко цветущая луковка в горшке, новые штаны, лохматый Шарик, кошка-семиковрижница, Санька-разбойник, дядя Левонтий, деревенские, бойкие в лесу и на реке парнишки...»* Эта часть повествования выражает грусть и тоску мальчика по счастливому детству. На смену любящей его бабушки приходит мачеха, которая позволила испытывать ему трудности и лишения: *«До свиданья! До свиданья!» — я прятал мокрые глаза в засаленный воротник холодного пальтишка. Говорят, сиротская слеза — самая тяжелая, и канет она не на землю, на человеческую голову. Чертовщина какая-то заключена в этом или злое совпадение — не дано мне*

знать, но четыре месяца спустя дед утонет в Енисее, и жизнь бабушки из Сисима очень изменится». Грусть и тоска проявляется через следующие эмотивы: *мокрые глаза, засаленный, холодный, тяжелая.*

В третьей части цикла повествуется о взрослении подростка, которое сопровождается тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю взрослеющего мальчика и его бабушки. Здесь все говорит о чувстве вины, сопровождающейся тоской и печалью. Видно, как при встрече и разлуке меняется их эмоциональное состояние: от грусти и печали к нежности и радости: *«Я почувствовал прикосновение ко лбу **костлявой руки**, но такой **теплой руки** – все во мне отозвалось на это прикосновение, что-то **защекотало лоб, лицо**».* *«Не принято у нас, у дураков, никаких нежностей. Маленькие еще, куда ни шло, можем приласкаться, но как возраст вошел – шабаш, бука букой! Особенно, если ты парень или мужик. Бабушка чувствовала мою **застенчивую** ласку и угадала то состояние, в каком я, отдохнувший после дороги, **высветленный** сном пребывал, не спугивала меня, не мешала мне, **гладила по голове**, чем шибче разнежила».*

При восприятии описываемой автором картины, необходимо учитывать существующие обстоятельства, важно, что описываемые события происходят во время военных действий, которые, так или иначе, приводят к потерям и разлукам: *«В **старенькой латаной кофте**, с **отвисшей** ниже подбородка **некрасивой гусиной кожей**, усохшая лицом, но все еще **решительная** во взгляде, бабушка склонилась надо мной. В глубоких складках ее лица было **горькое** передо мною раскаянье. Я все еще, должно быть, казался ей младенцем, кинутым по ее вине в чужой дом, в гущу незнакомых людей, нет там мне никакой ни от кого защиты, я и побежал-то по горам, по долам, в одной гимнастерке, голоухом, и прихворнул неспроста – били, поди-ко, сильно, **увечили, галились злые люди**».* В данном примере прослеживается нежность и чувственность бабушки по отношению к внуку.

Очередная встреча бабушки и главного героя произошла после того, когда закончилась война. Тогда Виктор приехал в родные края, где остались

его самые теплые воспоминания о детстве: *«Задами пробрался я к нашему дому. Мне хотелось первым **встретить** бабушку, и оттого я не пошел улицей»*. Описание состояния дома навеивает тоску и грусть на юношу: *«**Старые, бескорые** жерди на нашем и соседнем огородах **осыпались**, там, где надо быть колям, **торчали подпорки**, хворостины, тесовые обломки. Сами огороды сжало обнаглевшими, вольно разросшимися межами»*.

Он сожалеет, что обстоятельства не позволили ему приехать раньше: *«Наш огород, особенно от увалов, так **сдавило дурниной**, что грядки в нем я заметил только тогда, когда, нацепляв на галифе прошлогодних репьев, пробрался к бане, с которой **упала крыша**, сама баня уже и не **пахла дымом**, дверь, похожая на лист копирки, валялась в стороне, меж досок **проткнулась** нынешняя травка. Небольшой загончик картошек да грядки, с густо занявшейся огородиной, от дома полотые, там заголенно чернела земля. И эти, словно бы потерянно, но все-таки свежо темнеющие грядки, гнилушки слани во дворе, растертые обувью, низенькая поленница дров под кухонным окном свидетельствовали о том, что в доме живут»*.

Так как данное произведение автобиографично, автору не составляет труда описать испытываемые чувства: *«Враз отчего-то **сделалось боязно**, какая-то **неведомая** сила **пригвоздила** меня к месту, сжала горло, и, с трудом **превозмогли** себя, я двинулся в избу, но двинулся тоже **боязливо**, на **цыпочках**»*. Негативные эмоции показаны сразу двумя способами - эксплицитным и имплицитным посредством скрупулезного, в плоть до мелких деталей, изображения дома: *«Дверь **распахнута**. В сенцах гудел **зablудившийся** хмель, пахло прелым деревом. Краски на двери и на крыльце почти не осталось. Лишь лоскутки ее светлели в завалах половиц и на косяках двери, и хотя шел я **осторожно**, будто пробегал лишку и теперь боялся **потревожить** прохладный покой в старом доме, **щелястые** половицы все равно шевелились и постанывали под сапогами»*.

Ярко и красочно показана сцена встречи повзрослевшего мальчика и стареющей бабушки после долгой разлуки: *«Бабушка сидела на скамейке возле*

подслеповатого кухонного окна и сматывала нитки на клубок. Я замер у двери. - *Што ж ты стоишь, батюшко, у порога? Подойди, подойди! **Переkreшишу** я тебя, милово. У меня в ногу **стрелило...** **Испужаюсь** или **обрадуюсь** - и стрельнет...* И говорила бабушка привычное, привычным, обыденным голосом, ровно бы я, и в самом деле, отлучался в лес или на заимку к бабушке сбегал и вот возвратился, лишку подзадержавшись».

Писатель В.П. Астафьев рисует внешность бабушки до мельчайших подробностей, что усиливает чувство жалости главного героя по отношению к ней: «*Какие **маленькие** сделались у бабушки руки! Кожа на них желта и блестит, что луковая шелуха. Сквозь сработанную кожу видна каждая косточка. И синяки. Пласты синяков, будто слезавшиеся листья поздней осени. Тело, **мощное** бабушкино тело уже не справлялось со своей работой, не хватало у него силы заглушить и растворить кровью ушибы, даже легкие. Щеки бабушки **глубоко** провалились. У всех у наших вот так будут в старости проваливаться лунками щеки*».

По мере завершения повествования цикла эмоционально восприятие увеличивается, писатель намеренно усиливает чувства бабушки, направленные на мальчика ставшего юношей: «*-**Большой-то ты какой стал, большо-ой!..** Вот бы мать-то покойница посмотрела да **полюбовалась...** - На этом месте бабушка, как всегда, **дрогнула** голосом и с вопросительной **робостью** глянула на меня - не сержусь ли? Не любил я раньше, когда она начинала про такое. **Чутко** уловила - не сержусь, и еще уловила и поняла, видать, мальчишеская еришность исчезла и отношение к добру у меня теперь совсем другое. Она заплакала не редкими, а сплошными старческими слабыми слезами, о чем-то сожалея и чему-то радуясь*».

На приведенном примере, показано как писатель, используя методы и способы выражения эмоций, ярко и четко передает чувства и эмоционально состояние героев. Кроме того здесь использованы глаголы, которые непосредственно передает негативные эмоции, такие как: «всхлипнула», «глянула», «запричитала». Также происходит усиление восприятия внешности

через прилагательные: «старческими», «слабыми», посредством которых герой испытывает грусть.

Для передачи эмоций, выражающих грусть, автор использует имплицитный способ, описывая предсмертную сцену. В данном отрывке применяются эмоциональные единицы слов, таких как: «мудро», «пустые», «утешительные», кроме того здесь представлено эмоционально отношение к событиям, которые не удастся избежать: *«Жизня-то какая была! Не приведи Господи!.. А меня Бог не прибирает. **Путаюсь** под ногами. Да ведь в чужую могилку не заляжешь. **Помру скоро, батюшко, помру. Я хотел запротестовать, оспорить** бабушку и **шевелился** уж было, но она как-то мудро и необходимо погладила меня по голове - и не стало надобности говорить **пустые, утешительные** слова». «Теперь скоро помру. Ты уж, батюшко, **приедь** похоронить-то меня... Закрой мои глазоньки... Бабушка ослабла и говорить ничего уже не могла, только целовала мои руки, мочила их слезами, и я не отбирал у нее рук. Я тоже плакал молча и просветленно. В скорости бабушка умерла».*

В данном эпизоде происходит важное осознание главного героя о том, что предсмертную просьбу близкого и любимого человека ему выполнить не удалось: *«Мне прислали на Урал телеграмму с вызовом на похороны. Но меня не отпустили с производства. Начальник отдела кадров вагонного депо, где я работал, **прочитавши** телеграмму, сказал: - Не положено. Мать или отца - другое дело, а бабушек, дедушек да кумовей... Откуда знать он мог, что бабушка была для меня отцом и матерью - всем, что есть на этом свете дорогого для меня! Мне надо бы **послать** того начальника куда следует, бросить работу, продать последние штаны и сапоги, да **поспешить** на похороны бабушки, а я не сделал этого».*

В цикле повестей и рассказов «Последний поклон» главной эмоцией является чувство вины, которое испытывает юноше по отношению к своей умершей бабушке, осознав до глубины души ее потерю: *«Я еще не осознал тогда всю **огромность** потери, постигшей меня. Случись это теперь, я бы*

ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушке глаза, отдать ей последний поклон. И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Виноватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить ее в памяти, выведать у людей подробности ее жизни. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда и все мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет. И некому прощать...»

Эмоции главных героев исследуемого цикла выражены автором через эмотивные контексты. Их эмотивные поля переплелись настолько, что читатель замечает, как они испытывают похожие чувства, такие как: «грусть», «печаль», «тоска», «раскаяние», «вина» и др.

2.2. Средства выражения эмотивной лексики в цикле повестей и рассказов В.П. Астафьева «Последний поклон»

Как отмечалось выше, имеются разные способы выражения эмоций, в том числе такие как: лексические и грамматические. К грамматическим принято относить - морфологические и синтаксические. Кроме того, также имеются стилистические методы проявления эмоций, которые, как правило, применяются в художественных произведениях. Рассмотрим некоторые из них:

1. Лексический метод выражения эмоций – к нему относятся лексические единицы, которые содержат оценочную характеристику фактов, явлений или признаков, относящихся к конкретному объекту или субъекту.

2. Лексические единицы, которые употребляются в переносном значении и выражают эмоции. Например, если человека называют «кремень», то в зависимости от ситуации можно охарактеризовать данное выражение разным эмоциогенным фоном.

3. Лексические единицы, которые выражают положительную или отрицательную палитру говорящего по отношению к другому человеку или событию, например положительные: «дедуля», «мамуля», «сестренка»; отрицательные: «губищи», «безотцовщина», «отрепье».

Также стоит отметить, что через метод лексического выражения эмоций проще показать свои эмоции, учитывая контекст, в котором они выражаются. Кроме того данный метод также показан в цикле повестей и рассказов «Последний поклон» В.П. Астафьева. Примеры лексического выражения эмоций представлены в Приложении № 1.

Важно отметить, что имеется метод выражения эмоций через части речи – это грамматический метод, который принято соотносить к морфологическим методам, например:

- Глаголы, являющиеся способом выражения, средством передачи переживаний и эмоций одного по отношению к другому. Такие глаголы принято называть эмотивными, также они имеют свойство связывать говорящего и слушателя эмоциональным полем.

Приведем примеры некоторых из них:

«тосковать», «переживать» «грустить» - они выражают фрустрационные эмоции;

«ругать», «просить», «благодарить» - такие глаголы выражают коммуникативные эмоции;

«восхититься» «удивиться» - данные глаголы выражают интеллектуальные эмоции.

Стоит отметить, что существуют глаголы, которые по своим признакам выражают внешние проявления эмоций, такие как: «целовать», «обнимать», «бить».

- Существительные, которые также являются эмотивными и делятся на мотивированные, имеющие в своем составе суффиксы -ость, -ота и немотивированные, такие как: «стол», «серебряный». Данные категории в основном большинстве являются мотивированными, такие как: «искренность», «честность», «забота».

- Прилагательные, которые можно разделить на категории, например: имеющие значение свойства - «невообразимый»; качества – «целеустремленный»; состояния - «скрытный». Кроме того, данные

прилагательные имеют свойство выражать душевное состояние человека: «грустный», «мечтательный», «счастливы».

- Наречия, которые обладают характеристикой сопровождения эмоциями определенного действия (наречие + глагол) или характеристикой признаки предмета или субъекта (прилагательное + существительное). Приведем примеры: «очень переживать», «печально выглядеть», «грустно (отрешенно) смотреть». Кроме того, можно выделить наречия, имеющие категорию состояния, выражающие состояния, такие как: душевное, психическое, и др. эмоциональные состояния: «одинок», «радостно», «тоскливо».

Эмотивные наречия, а также слова категории состояния выражают как негативные эмоции: «тоскливо», «печально», «невесело», так и позитивные: «легко, прекрасно, тихо, хорошо, спокойно». Только около десяти процентов эмотивной лексики приходится на другие части речи, среди которых значительную роль играют эмотивные междометия и частицы.

В исследуемом материале цикла повестей и рассказов В.П. Астафьева «Последний поклон» наибольшую роль в передаче эмоций играют глаголы (45,8%), затем существительные (22,3%), прилагательные (19,1%) и наречия (12,8) рассмотрим их на рисунке 1.

Рисунок 1 – Анализ эмотивной лексики

Проанализировав рассказы повести В.П. Астафьева «Последний поклон» можно сделать вывод, что 90% эмотивной лексики составляют три

класса слов, такие как: эмотивные глаголы, эмотивные существительные и эмотивные прилагательные, эти слова представлены в Приложении № 2.

К морфологическому (грамматическому) способу выражения эмоций относятся слова, созданные с помощью суффиксов и приставок, выражающие различные эмоциональные оттенки. Назовем только некоторые из словообразовательных суффиксов и приставок, чтобы продемонстрировать механизм создания новых слов для выражения эмоционального отношения говорящего: уменьшительно-ласкательные суффиксы -еньк-, -оньк-, -иньк-, ушк-, -юшк- (тетя-тетенька, баба-бабонька, заяц-заюшка); суффиксы субъективной оценки -к-, -ок-, -ек- (вечер-вечерок, кот-котик); приставки пре-, сверх-, наи- и др.: весело– превесело, умный-сверх-умный; красивый-наикрасивейший (образование превосходной степени сравнения) и т.д.

Синтаксический способ выражения эмоций связан с эмоционально-логическими функциями и размещением слов в тексте. С эмоциональной точки зрения синтаксические конструкции можно разделить на следующие типы:

- именительные конструкции определенного типа, например: - *Господи, Господи! — вздохнула бабушка, прикрывая за Васей дверь. -Доля ты тяжкая...Слепнет человек;*
- риторические вопросы, например: *Да что же это такое?! Где-же люди-то? Чего же они смотрят?!;*
- синтаксические повторы, например: *И правда, на голос зорьки — зорянки, ответило сразу несколько голосов — и пошло, и пошло!;*
- риторические восклицания, например: *Зорька поет! Зорька поет!*

Кроме того выражение эмоционального отношения или состояния говорящего происходит при применении конкретных типов сложных предложений. Например, бессоюзный тип сложного предложения с обстоятельственным значением: — *Зорька поет, значит, утро идет! — пропела благостным голосом бабушка.*

Синтаксический способ выражения эмоций представлен в Приложении № 3

2.3. Эмотивность в диалоге и эмотивный диалог в русском художественном тексте

Каждый речевой фрагмент, воспроизведенный в процессе коммуникации, является персональным. Следовательно, он несет информацию о говорящем, что указывает на неоднозначное и диалогичное сознание человека. Известный философ Хосе Ортегаи-Гассет в своих трудах отмечает что, «Жизнь отличается именно погруженностью «я» человека в то, что не есть он сам, в чистого другого, то есть в свои обстоятельства» [Хосе Ортегаи, 2009, с. 34]. Именно это определяет существование диалога в художественном повествовании и диалогичность самого нарратива.

В научных трудах современности никак не может решиться вопрос о текстовой организации диалога, который остро стоит, но в настоящее время он не решен. По мнению исследователя О.Б. Сиротининой, «разговорная речь почти не знает текстовой организации речи» [Сиротинина, 2019: с. 26]. Большое количество ученых, таких как: В.Д. Девкин, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, Е.В. Красильникова, И.Н. Борисова принимают текстовый характер разговорных диалогов: «Текстовый статус разговорных диалогов доказывается типовой структурой таких общетекстовых категорий, как текстовое пространство и время, тональность и, с отмеченными ограничениями, – категория темы. Дополнительными текстовыми скрепами разговорных диалогов выступают внешние факторы: ситуация общения и состав участников» [Матвеева, 2019, с. 45].

Как правило, применение разговорных диалогов в художественном тексте предполагает конкретную степень их литературной обработки, в результате чего в диалоге возникают следующие принципы: «Жизнь, – строения, характерные для речи в виде монолога». Повествование от первого лица и 3-личный нарратив, разнящиеся в методах выражения категории эмотивности, сохраняют общие свойства речи в виде диалога персонажей,

которые интерпретируют содержательные и формальные черты настоящей коммуникации, разговорной речи.

Тем не менее, если судить о категории эмотивности в 1-личном нарративе, то значит, что степень эмотивности субъектно-речевого пространства повествователя/рассказчика значительно выше, чем в 3-личном повествовании, где субъектно-модальные планы автора и персонажа отграничены друг от друга. Эмотивный диалог в среде персонажей обуславливается интерпретацией конфликтной или предконфликтной ситуации как в 1-личном, так и в 3-личном повествовании, тогда как эмотивность в диалоге в 1-личном нарративе имеет иные средства выражения, нежели в повествовании от третьего лица.

Эмотивная оценка, как и сама категория эмотивности, отсылает нас к области коммуникативной семантики, так как большинство языковых единиц приобретает способность выражать эмоции лишь в речи, обладая в системе языка лишь потенциальной эмотивностью. Эмотивный компонент коннотации или закрепляется в системе языка, или носит окказиональный, потенциальный характер и проявляется только в речи. Эмотивом может быть не только аффикс, слово, фразеологизм или предложение, но и текст, включающий эмотивы других языковых уровней [19].

Текст, обладающий признаками эмотива, эмоционален, так как эмоциональность есть выражение душевного переживания и чувств говорящего, автора текста. Прагматический потенциал эмотивных синтаксических единиц реализуется за счет общей эмоциональной направленности текста, который они составляют. Референтные границы эмотивных высказываний определены рамками отраженной в художественном тексте эмотивной ситуации, которая представляет собой тот самый код, благодаря которому происходит дешифровка, интерпретация эмотивно-оценочного смысла адресатом, реципиентом.

Прагматика эмотивных высказываний определена их функционированием в сфере адресата, «ты» - сфере, содержащей эмоции,

оценки, взгляды говорящего на положение вещей, выражающей его отношение к миру и другим людям. Такой сферой можно признать художественную коммуникацию, отражающую авторскую картину мира. Динамическое коммуникативное пространство русского художественного текста предопределяет динамику порождения смыслов, возможность синтаксических трансформаций субъективно-оценочного характера. Показателен с этой точки зрения текст цикла повестей и рассказов В.П. Астафьева «Последний поклон».

Разговорная речь персонажей писателя выглядит настолько искренне, что с первых страниц повести читатель проникается эмоциями, возникающими из диалогов героев, изобилующих эмотивами. Главные герои цикла - мальчик и бабушка; Они говорят то, что думают и чувствуют, не задумываясь о последствиях: *«Я поддал громче — никакого толку. Тогда я кинулся на печку, ткнул сердито Алешку кулаком. Он с минуту пялился на меня. — Ме-ме-ме! — показал я ему язык и еще свистнул, мол, наших нету, уехали. И Алешка тоже ударился в голос. Ревел он протяжно, басовито: «Бу-бу-бу-у!»»*. Данные речевые конструкторы изобилуют лексическими единицами, которые выражают предконфликтную либо конфликтную ситуацию, как правило, происходящую в эмотивном диалоге.

Обратим внимание на эмотивные реплики, так как они выражаются в особом коммуникативном виде, указывающем на эмоциональную оценку, важную для коммуниканта: *«— Ий-я вот вам поору! — наконец не выдержала бабушка. — Ишь чего удумали! По сено ехать! Сопли-то к полозям приморозите, кто отдирать будет? — А зачем тогда сулили-и-и?»*

Соответственно синтаксические конструкции сохраняются в первозданном виде, так как происходит программирование внутренней речи, в том числе и на этапе вербализации: *«— Ишь ведь, язва, жрет, жре-от! Жить хочет!; Ишь чего удумали! Ий-я вот вам поору!»*. В приведенном выше фрагменте текста показана борьба поколений в деревенской среде, которая

определяет позитивную или негативную оценку, в зависимости от ситуации, по отношению к молодежи.

Диалог персонажей о человеке, жившем по соседству, может служить примером «эмотивности»: «— Баба, я слышал скрипку. — А-а, — отозвалась бабушка, — Вася-поляк чужое, батюшко, играет, непонятное. От его музыки бабы плачут, а мужики напиваются и буйствуют... — А кто он? — Вася-то? Да кто? — зевнула бабушка. — Человек. Спал бы ты. Мне рано к корове подыматься. — Но она знала, что я все равно не отстану: - Иди ко мне, лезь под одеяло. Я прижался к бабушке». Данный диалог не относится к оценке душевного состояния близкого человека, соответственно он не является конфликтным или предконфликтным, тем не менее, мы видим эмотивы просторечного характера и эмотивные высказывания, свидетельствующие о равнодушии говорящих к личности Васи-поляка.

Использование в речи или диалоге личных имен, имеющих эмотивно-оценочный характер, указывает на эмоциональное состояние коммуниканта. Таким образом, говорящий выражает эмоционально-оценочное отношение к собеседнику или ситуации в целом. Если коммуникант использует в речи имена-обращения эмотивно-оценочного характера, то это говорит о его персональном вербальном опыте. Семейный уклад жителей сельской местности, накладывает отпечаток на отношения и коммуникацию этих людей, так как их картина мира формировалась под влиянием данных обстоятельств: социальных, этических, родственных, гендерных и т. д. Имена существительные являются лидерами по использованию в речи, в том числе и в диалоге.

В коммуникативном диалоге, как правило, используются два вида прямой речи, такие как: социально ориентированные и личностно-эмоциональные обращения. Первые, нацелены на маркировку социального статуса собеседников, так как они применяются по принципу соблюдения общепринятых норм речевого этикета. Здесь говорится о социально

маркированных обращениях, таких как: бабушка, матушка, дядюшка, робытишки, деда и т.п.

Также можно выделить формы обращения собеседников, которые необходимо соблюдать при разговоре коммуникантов, такие как: статусно-ролевое равенство или неравенство. В нашем исследовании цикла повестей и рассказов «Последний поклон» наблюдается статусно-ролевое равенство, в коммуникациях персонажей. Дразнилки и прозвища, используемые в процессе разговора жителями одной деревни, являются оценочными, как правило, на них следует реакция адресата. Исследуя диалог главных героев, можно сделать вывод, что коммуниканты являются равными в процессе разговора, не смотря на разницу в возрасте и социальный статус. Также отмечается гендерное равенство в диалогах между людьми разного пола и возраста.

Изучая диалог главных героев цикла повестей и рассказов «Последний поклон» можно отметить, важность эмоционально-оценочной семантики речевых конструкций, кроме того интересным является окрас эмоционального отношения говорящего к адресату, например: *«Ты чего на бабушку, на родну, зубы выставляш, а? — Ничего-о-о-о! — Ступай стайку чистить и ори там. — Не пойду-у-! — Как это не пойдешь? — Не пойду-у! — Я вот тебе не пойду! — Бабушка вытянула меня полотенцем по спине, и не больно нисколько, но обидно. Я залез обратно на печку, завернулся в старый полушубок и сказал себе, что не слезу с нее, пока не помру. — Трескать идите, обозники! — позвала бабушка. — А умываться кто будет? — поинтересовалась бабушка. — Ну, вы у меня **достукаетесь**, вы у меня **достукаетесь!** — пообещала она. — Эж ведь они, **кровопивцы, урос завели! Шагом марш к рукомойнику**»*. Здесь показана речевая модель, сопровождающаяся вопросительными и восклицательными конструкциями, в ходе которых коммуниканты выражают недовольство в адрес друг друга. В данном диалоге наблюдается назревание конфликтной ситуации, которая ярко выражается посредством использования просторечного, и в то же время оценочного обращения «*кровопивцы*». Адресат

же в свою очередь защищается от коммуникативной агрессии ответным высказыванием: *Ничего-о-о-о! Не пойду-у!*

В данном контексте наблюдается обида собеседника, которая сопровождается временным эмоциональным состоянием и не находит в себе продолжения в виде негативных последствий. Это показано лексической конструкцией: «*Трескать идите, обозники!*» которая указывает на миролюбивый характер обращения. Важно обращать внимание на последнее слово в диалоге, кто его сказал и зачем, так как оно избавляет от неловкости дальнейшей коммуникации, кроме того нейтрализует негативное воздействие собеседника.

Особенностью обращений является то, что они часто сигнализируют о дружественном, фамильярном отношении к адресату, в том числе и к адресату иного социального и возрастного статуса. Когда отношения между говорящими можно представить как горизонтальные или симметричные при которых собеседники находятся в равной социальной позиции, выбор обращения склоняется в пользу эмотивно-оценочных форм. Частотными можно признать личные имена существительные, передающие чувства любви или неприязни к другому человеку. Негативно-оценочные личные имена, в речи деревенских жителей позволяют им сохранять душевное равновесие, снять эмоциональное напряжение, поскольку в речи эмотивно-оценочные формы способствуют скорее выражению эмоционального состояния говорящего, чем эмоционального отношения к адресату. Например, Бабушка, обращаясь к Внуку, передает чувство злости на ситуацию, им созданную, которая противоречит традиционному укладу местных жителей: *А он уж мошенничат! ЧЕ потом из него будет? Жиган будет! Вечный арестант! Я вот еще левонтьевских, пятнай их, в оборот возьму! Это ихняя грамота!*, продолжая при этом испытывать к нему истинно материнские чувства.

Эмотивно-оценочные существительные могут обозначать лицо либо через какое-то единичное событие или кратковременное отношение, либо

через более долговременные, длительные отношения и связи. Именно обращения, имеющие личностно-эмоциональный характер и обозначающие лицо через «точечное», чаще конфликтное или пред-конфликтное событие, преобладают у В.П. Астафьева, что, объясняется живыми межличностного характера диалогами, отраженными в повести «Последний поклон».

Глубину эмоционального поля выражают в данном произведении слова, направленные в адрес младшего поколения: «Последнего поклона»: «дите», «робятишки», «бабонька»; «кровопивец», «шантропа», «тетка», «Кошей Бессмертный», «Лиса Патрикеевна» и т.п. Здесь прослеживается эмоциональная не стабильность и в то же время полнота чувств выражающих состояния – «от любви до ненависти». Следовательно, смена эмоциональных состояний говорящего отражает конфликтную коммуникацию, маркируемую посредством обращения к личности.

Исследуя способы выражения эмоций персонажей в повести «Последний поклон» можно сделать вывод о непосредственной связи между языковым представлением эмоционального состояния говорящего и коммуникативной ситуацией-стимулом. Вопрос о корреляции непосредственного переживания эмоции и ее описания тесно связан со спецификой представления эмоциональных состояний в данном художественном тексте. Стоит отметить, что в исследуемой повести эмотивный синтаксис диалогов более разнообразен, чем в реальной разговорной речи. Исследование конструкций эмотивного синтаксиса в цикле повестей и рассказов «Последний поклон» позволило сделать вывод о том, что они несут в себе не только изображение эмоций героев, но и определяют специфику языковой личности самого автора.

2.4. Методическая разработка интегрированного урока по изучению эмотивной лексики в цикле повестей и рассказов «Последний поклон» В.П.

Астафьева в 6 классе

Рассказы В.П. Астафьева входят в ФООП как обязательные. В 5 классе в разделе «Произведения отечественной литературы о природе и животных» изучается рассказ «Васюткино озеро». А также другие рассказы В.П. Астафьева в разделе «Произведения отечественных прозаиков второй половины XX – начала XXI века» в 7 и 8 классах.

Технологическая карта интегрированного урока на тему:

«Эмотивная лексика в рассказе В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой».

Класс: 6

Тип урока: урок обобщения и систематизации знаний.

Время урока: 40 минут.

Педагогические технологии: технология развивающего обучения.

Цель занятия: сформировать у обучающихся навык определения эмотивной лексики в художественном тексте.

Задачи:

Обучающая: совершенствовать навыки использования эмотивной лексики у обучающихся, а также способствовать усвоению и углублению знаний по данной теме; проанализировать лексический уровень текста, который поможет выявить основную идею произведения.

Развивающая: формировать навыки анализа художественного произведения; создать условия для формирования понятия эмотивная лексика.

Воспитательная: поддержание интереса обучающихся к творчеству В.П. Астафьева; помочь осознать необходимость и значимость труда людей; расширение представления о богатстве и возможностях русского языка.

Планируемые результаты:

Личностные: осознание ценностно-смысловых установок, эмоциональное «проживание» текста, умение выражать свои эмоции, мысли, предположения, понимать эмоции героев произведения;

Предметные – осознание значимости чтения для личного развития; формирование представлений о мире, российской истории и культуре, первоначальных этических представлений, понятий о добре и зле, нравственности; формирование потребности в систематическом чтении; совершенствование умения анализировать языковые единицы лексического уровня.

Метапредметные: освоение способов решения проблем творческого и поискового характера; умение развернуто и логично излагать свою точку зрения с использованием языковых средств.

Универсальные учебные действия (УУД):

Личностные: умение дать оценку изученному материалу, умение делать личностный выбор, основываясь на приобретенных и сформировавшихся ценностях, умение выражать свои эмоции.

Регулятивные: умение организовывать и корректировать формирование новых знаний и навыков, умение формулировать цели урока, умение составлять план действий на занятии, умение оценить самого себя, усвоенный материал и объем того, что еще предстоит изучить.

Познавательные: умение создавать и проверять собственные гипотезы, умение выстраивать причинно-следственные связи, умение делать выводы.

Коммуникативные: умение сотрудничать с одноклассниками и педагогом, умение принимать решения и грамотно отстаивать свою точку зрения, умение правильно формулировать и ставить вопросы.

Используемое оборудование: доска, раздаточный материал.

Предварительное домашнее задание: прочитать произведение В.П. Астафьева «Конь с розовой гривой», найти по три интересных факта из жизни и творчества В.П. Астафьева.

Ход урока:

Этапы образовательного задания	Деятельность учителя	Деятельность обучающихся
--------------------------------	----------------------	--------------------------

1. Организационный этап	Приветственное слово учителя. Проверка готовности учеников к уроку.	Приветствуют учителя.
2. Мотивация учебной деятельности и актуализация. Проверка ранее полученных знаний.	<p>В домашнем задании вы находили интересные и важные факты творчества В.П. Астафьева.</p> <p>А теперь, ребята, давайте посмотрим на эпиграф, написанный на доске. («Сколько лет прошло! Сколько событий минуло! А я все не могу забыть бабушкиного пряника - того дивного коня с розовой гривой.» В.Астафьев.) Как вы думаете, почему человек, столько переживший, прошедший страшную войну вспоминает о таком незначительном событии из своего детства?</p> <p>Молодцы! А теперь давайте подумаем, какие эмоции переживает автор, когда вспоминает это событие?</p>	<p>Обучающие читают найденные факты о жизни писателя.</p> <p>Ответы обучающихся.</p> <p>Ответы обучающихся.</p>
3. Формулирование темы и постановка цели урока.	<p>Через обсуждение подводит обучающихся к теме и цели урока.</p> <p>Давайте вспомним о чем мы сегодня уже сказали и попробуем озвучить тему урока. Тема нашего урока «Эмотивная лексика в рассказе «Конь с розовой гривой» В.П. Астафьева.</p>	Обучающиеся формулируют тему.
4. Работа над темой занятия.	1. Выявление худ. восприятия. Какие эмоции и чувства вызвал у вас прочитанный рассказ?	Обучающиеся высказывают свои впечатления о прочитанном.

	<p>2. Работа с фрагментами текста и рабочим листом № 1.</p> <p>Посмотрите внимательно на рабочий лист. Я разделила для вас все эмоции рассказа на три группы. Вторая строка осталась пустой, давайте попробуем вставить примеры из произведения.</p> <p>Теперь скажите, пожалуйста, в какой группе эмоций получилось больше всего?</p> <p>К кому автор чаще всего показывал положительное или отрицательное отношение?</p> <p>Эта таблица поможет вам выполнить домашнее задание, в котором нужно будет охарактеризовать и сравнить две семьи. Семейю Катерины Петровны и семью Левонтия.</p> <p>Давайте возьмём рабочий лист № 2 и прочитаем отрывок рассказа.</p> <p>Какое чувство испытывает мальчик?</p> <p>Как вы можете объяснить слова «провалился сквозь землю»?</p>	<p>Обучающиеся подбирают примеры, анализируют эмотивную лексику.</p> <p>Обучающиеся отвечают, что больше всего слов, передающих положительное или отрицательное отношение говорящего.</p> <p>К членом своей семьи и семьи Левонтьевских.</p> <p>Обучающиеся говорят о чувстве стыда.</p> <p>Объяснение обучающихся.</p>
<p>Обобщение и итоги урока.</p>	<p>Давайте сделаем вывод, как эмотивная лексика помогла нам проанализировать</p>	<p>Обучающиеся делают вывод, аргументируют</p>

	художественный текст?	его.
Домашняя работа.	Составьте сравнительную таблицу семьи Катерины Петровны и семьи Левонтия. Используйте эмотивную лексику из рассказа для характеристики героя.	Обучающиеся записывают домашнее задание.
Рефлексия.	<p>Выберите на дереве настроений эмоцию, которая отражает ваше состояние на сегодняшнем уроке:</p> <p>Дерево настроения</p> <ul style="list-style-type: none"> 1 Зеленый — спокойствие 2 Синий — грусть, неудовлетворение 3 Желтый — в целом все неплохо 4 Красный — восторг 5 Оранжевый — радость 	Обучающиеся оценивают собственную деятельность на уроке.

Заключение

Данная выпускная квалификационная работа посвящена анализу своеобразия функционально-семантического аспекта эмотивной лексики в цикле повестей и рассказов Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон». Исследование проходило в два этапа. На первом этапе необходимо было определить основное содержание работы, для решения данной задачи мы провели анализ научных трудов исследователей в области лингвистики и филологии, которые исследуют проблему функционирования эмотивной лексики. Кроме того, нами были изучены взгляды психологов, занимающихся наукой, на указанную проблематику.

В процессе изучения лингвистического материала выявлено, что ученые заинтересованы в изучении человеческих эмоций, а также в совершенствовании методов их взаимодействия. Что привело к возникновению нового направления в данной области, а именно: эмотиологии и лингвистики эмоций. С целью разграничения сферы использования, исследователями употребляются термины «эмоциональность и эмотивность», кроме того необходимо понимать, что термин «эмоциональность» применяется в психологии, а «эмотивность» в лингвистике.

Также мы выявили, что исследователь А. Вежбицкая классифицировала понятия и выделила 5 классов эмоций. На основании изучений общепризнанной классификации эмоций, можно сделать вывод, что наука эмотиология значительно не изучена и является достаточно новой дисциплиной, не сформированной в рамках конкретной терминологии и определения основных ее видов.

Тем не менее, проблема изучения эмоций в языке стоит очень остро и в настоящее время не решена, что указывает на важность и актуальность исследований в данной области. Кроме того, в современном языкознании активно изучается область проявления эмоций человеком и исследуются, свойства языка, помогающие человеку выразить свои чувства. Кроме того, проанализированы средства выражения эмоций в тексте, такие как:

стилистические, лексические, фонетические, графические и т.д. С целью продолжения анализа были изучены лексические и грамматические средства выражения эмоций, так как они являются основными средствами выражения эмоций в художественном тексте.

На втором этапе исследования рассмотрены виды лексических средств, чем они выражаются и как определяются в тексте. Проведен лингвистический анализ цикла повестей и рассказов «Последний поклон», в том числе исследована описательно-характерологическая функция эмотивов. Определили состояние «эмотивного поля персонажа», для которого значимым является совокупность всех эмотивных состояний его описывающих. Также рассмотрели принцип обогащения эмоциями персонажей, в рамках которых имеется влияние на характер их действий и поступков.

В ходе анализа цикла повестей и рассказов «Последний поклон» выявлено, что Виктор Петрович Астафьев персонифицирует героев произведения и сопровождает их диалог живыми и эмоциональными высказываниями, кроме того в материале повести присутствует разговорная речь и простонародная лексика, что влияет на яркость и восприятие эмоций, которыми обладают главные герои. Отмечено, что активное использование лексики, выражающей эмоции в речи самих героев, не описывая, что они чувствуют в авторском отступлении, является особенностью стиля писателя.

Кроме того, автор наделяет героев эмоциональной лексикой, которая позволяет персонажам «говорить за себя». Используя междометия, писатель приближает речь персонажей к разговору в реальной жизни, что делает данное произведение понятным и доступным для читателя, определяя чувственный аспект героев. Таким образом, цели и задачи, поставленные в исследовании выполнены в полном объеме. Так, например: мы изучили виды эмоций, рассмотрели лексические средства, выражающие эмоции в повести.

Таблицы с примерами проявления эмоций и лексических средств их выражения представлены в приложениях.

Список используемых источников

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. / Л. Г.Бабенко. – Свердловск: Изд-во: Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов: Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996.
3. Волкова П.С., Шаховский В.И. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности // Мир лингвистики и коммуникации. 2017. № 4(50). С. 138–163.
4. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Наука, 1958. – С. 103-124.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И. Р. Гальперин. – М., 1974.
6. Иванов В.В. лингвистика третьего тысячелетия. М.: ЯСК, 2004.
7. Ионова С.В. лингвистика эмоций: от глубин слова к широте социальных коммуникаций // человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. С. 9–13.
8. Ионова С.В. Эмоции в новой коммуникативной реальности // человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. Волгоград: Перемена, 2010. С. 7–20.
9. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 197 с. URL: <http://www.dslib.net>.
10. Карпова Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). URL: <http://www.rfp.psu.ru>.
11. Квасюк И. И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1983. С.29.

12. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2006. - № 2. - С. 90-100.

13. Копаева Е. В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) // Вестник МГЛУ. - 2012. - № 17 (650). - С. 108-130.

14. Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

15. Коростова С. В. Эмотивность, как категория художественного текста / С. В. Коростова // ФИЛОЛОГОС. – Вып. 14 (3). – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. – С. 28–36.

16. Коростова С.В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 103. С. 85–91.

17. Ленько Г.Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею ПОНЯТИЙ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 1. С. 84–91. URL: <http://cyberleninka.ru>.

18. Ленько Г.Н. Уровни анализа текстовой эмотивности (на примере текстов художественного стиля) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. 2014. Т. 1, № 2. С. 192–201. URL: <http://cyberleninka.ru>.

19. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 1. С. 211–215.

20. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи : словарь / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 240 с.

21. Мягкова О. Е. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. / О. Е. Мягкова. – Воронеж, 1990. – 21 с.

22. Пиотровская Л. А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи / Л. А. Пиотровская // Русский язык : Исторические судьбы и современность : Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка / сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 28–29.

23. Пузырев А.В. Лингвистическая энциклопедия эмоций // К эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015. С. 370–375.

24. Разоренова Ю.А., Шляхова П.Е. Актуальные проблемы изучения текстовой эмотивности в лингвистическом аспекте // Инновации в науке. 2015. Вып. № 10 (47). С. 80–85.

25. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 200–205.

26. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследования: на материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Тула, 2004. 496 с. URL: www.dissercat.com

27. Романов А.А. рецензия на книгу В.И. Шаховского «Отечественная лингвистика в лицах. Азбука человечности» (М.: Кн. дом «Либроком», 2011. 96 с.) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2011. № 10(64). С. 164–162.

28. Сребрянская Н.А. Эмотивная лингвистика – перспективное направление лингвистических исследований (В.И. Шаховский «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка», изд. 2, испр. и доп. – Москва, RSS, 2008. – 208 с.) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 282–284.

29. Тарасова О.Д. основные направления исследования эмоций в лингвистике // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: лингвистика. 2015. № 3. С. 38–45.

30. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности./ В. Н. Телия, Т. А. Графова. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

31. Трофимова Н. А. Эмотивный смысл высказывания и операторы его порождения// Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2008. - №11 (78). - С. 154-160.

32. Шаталова О. В. Синтаксическая характеристика языковой личности / О. В. Шаталова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – 200 с.

33. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016.

34. Шаховский В.И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. докл. на XV Междунар. симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации. М.–Калуга, 2006.

35. Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // вестн. рос. ун-та дружбы народов. Сер.: лингвистика. 2018. № 1(22). С. 54–79.

36. Шаховский В.И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы Междунар. конф. М. – Ярославль: изд-во «канцлер», 2018. С. 145–162.

37. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций. Обзор журнала «вестник российского университета дружбы народов». Серия: лингвистика (2015. № 1) // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 108–111.

38. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоции. / В. И. Шаховский. М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

39. Шаховский В.И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2015. № 1(25). С. 7–20.

40. Шаховский В.И. Многоязычие стилей эмоционального медийного дискурса // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты:

материалы XVII Междунар. науч. конф. М.: ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. С. 140–152.

41. Шаховский В.И. Типы эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 39–47.

42. Шаховский В.И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11–19.

43. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность. Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: Волгоградский педагогический институт, 1990.

44. Шаховский В.И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 14–27.

45. Штеба А.Ю. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 172–178.

46. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград: изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

Лексический способ выражения эмоций в цикле повестей и рассказов

«Последний поклон» В.П. Астафьева

№ п/п	Виды эмоций	Наименование
Положительные эмоции героев		
1.	Радость	<i>-Зорька поет! Зорька поет! - Закричал и запрыгал я.</i>
2.		<i>- Зорька поет, значит, утро идет! -Пропела благостным голосом бабушка, и мы поспешили навстречу утру и солнцу, медленно поднимающемуся из-за увалов.</i>
3.		<i>Рад Алешка, и я тоже рад. Мы весело метнулись на улицу, убирали навоз из стайки, пехалом выталкивали снег со двора.</i>
4.		<i>Алешка трусит впереди меня на Гнедке и хохочет, заливается — весело дурачку!</i>
5.	Удивление	<i>— Ах ты, умница! Ах, ты умница!</i>
6.		<i>Да что же это такое?! Где-же люди-то? Чего же они смотрят?! Связали бы Васю-то!</i>
7.		<i>-Студеный-то какой! И ноги мокрущие! Опять болеть будут.</i>
8.		<i>- Так вот ты где скрываешься! - Сказала она и склонилась над саженцем, покачала его из стороны в сторону, растерла цветочки в пальцах, понюхала и жалостно посмотрела на меня.</i>
9.		<i>— Уш не лешаки ли тебя туда заташшыли?!</i>
10.		<i>И куда он этого супостата спровадил! Поглядите-ка, люди добрые! Говорила самому: ни от камня плода, ни от плута добра! Оне на меня союзом!..</i>
11.		<i>Вот тебе и на! Нам надо было учителя-то оборонять, а мы?!</i>
Отрицательные эмоции героев		
12.	Печаль	<i>Печка потухла. Слаясь, засыпали в ней угли. Васи не видно. Скрипки не слышно.</i>
13.		<i>Тишь. Темень. Грусть.</i>
14.		<i>Выбросили его на мороз — околевать. До собак ли? Остановилась это я, смотрю на горюна и плачу, про Витьку нашего думаю. Не будь нас, так же околевать бы его выбросили...</i>
15.	Страх	<i>за Фокинской речкой - рукой подать - забелели кресты на кладбище, скрипнуло что-то в завозне - холод прополз под рубаху, по спине, под кожу.</i>
16.		<i>Один я, один, кругом жуть такая, и еще музыка - скрипка.</i>
17.		<i>Гусыня кричала долго и с таким, душу рвущим, горьким отчаянием, что коробило спины.</i>
18.		<i>— Пропадут гуси. Все пропадут. Спаси бы их, — сказал мой двоюродный брат Кеши</i>
19.		<i>— Погибнут гуси. Надо им, братва, помочь.</i>
20.		<i>Я опустил на нее животом и сквозь рубаху почувствовал, какая она горячая, а под горячим-то трещит лед, а подо льдом: «Господи! Миленький! Спаси и помилуй люди Твоя... —</i>

		<i>пытался я вспомнить бабушкину молитву... — Даруя... сохраняя крестом Твоим... Даруя... сохраняя... достояние...» — заклинал и молил я.</i>
21.		<i>У Алеши испуганное лицо, он уже, как видно, и не рад, что пошел за конями. И я не рад.</i>
22.	Обида	<i>— Я вот тебе не пойду! — Бабушка вытянула меня полотенцем по спине, и не больно нисколько, но обидно.</i>
23.		<i>Я отвернулся, моргая на русскую печку, высунувшую толстый беленый зад в среднюю, губы мои дрожат. Что мне толковать? Зачем толковать? На этой фотографии меня нет. И не будет!</i>
24.	Стыд	<i>Тут я заполз обратно на печку и заревел от горького бессилия. Куда я мог идти, если ноги не ходят?</i>
25.		<i>Попусту причитать и высказываться бабушке недосуг, она говорила, бранилась и напевала, управляясь по хозяйству, но ворота не закрывала и мне закрывать не велела. С уязвленностью и тайной болью она все повторяла: пусть люди посмотрят, пусть полюбуются и рассудят, какова ее жизнь и какие она страдания перенесла на своем веку.</i>
26.	Вина	<i>-Мама, это я. Я забыл тебя, и ты мне больше не снишься. Опустившись на землю, я припал ухом к холмику. Мать не отвечала.</i>

№ п/п	Эмоции
1.	Глагол
2.	<i>От восторга завизжали — Ну, Иван, лошадку ты отхватил!</i>
3.	<i>— Выдь отсюда! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий</i>
4.	<i>— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст!</i>
5.	<i>— Ты чего нюнишь?</i>
6.	<i>— Своих вечно потачил! Чего утворил!</i>
7.	<i>— Ладно уж, умывайся да садись трескать! А устряпался-то весь, как поросенок!</i>
8.	<i>Омманешь баушку...</i>
9.	<i>Аж искры из глаз брызнули</i>
10.	<i>Бабушка прекратила причитания</i>
11.	<i>Она домой не пускает, сдохни, говорит, пропади, пьяница!</i>
12.	<i>А он нате-ка! Уросит!</i>
13.	<i>— Поори у меня, поори!</i>
14.	<i>От полноты чувств я обнял ее за шею и пободал голову.</i>
15.	<i>Все ребята окружили меня, шупали материю, восхищались.</i>
16.	<i>Затискали меня, затормошили, и я вынужден был вырваться и следить, чтоб не выпачкали, не смяли бы чего и не съели бы под шумок шаньги — гостинец дедушке.</i>
17.	<i>Утомился я, умаялся</i>
18.	<i>Я бы ему задала! Я б его пропесочила!..</i>
19.	<i>Ну, вы у меня достукаетесь, вы у меня достукаетесь!</i>
20.	<i>Она деловито оципывалась, дружески глядела на меня</i>
21.	<i>Ишь чего удумали!</i>
22.	Существительное
23.	<i>— Ой, горе, горе!</i>
24.	<i>— Дитячко ты мое! Жиган будет! Вот ведь плут!</i>
25.	<i>— Ну какого тебе дьявола?</i>
26.	Прилагательное
27.	<i>Алешка трусит впереди меня на Гнедке и хохочет, заливается — весело дурачку!</i>
28.	<i>Всегда бы такой был ласковый да хороший...</i>
29.	<i>— Ты будешь спать, окаянный?</i>
30.	<i>Испуганно-радостным голосом.</i>
31.	<i>— Студеный-то какой!</i>
32.	<i>И ноги мокрущие!</i>
33.	<i>— Надсаженная я, батюшко, изработанная.</i>
34.	<i>Доля ты тяжкая.</i>
35.	<i>Эшь ведь какой смирененькай!</i>
36.	<i>Разряженный в пух и прах</i>
37.	<i>— На уж, окаянная твоя душа!</i>
38.	<i>— Ты как же с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое!</i>
39.	<i>— Да стой ты, чумовая!</i>

№ п/п	Наименование	Виды эмоций
Синтаксический способ выражения эмоций		
1.	именительные конструкции	<i>Господи, Господи! — вздохнула бабушка, прикрывая за Васей дверь.</i>
2.		<i>— Гусаньки, гусаньки... — не в силах двинуться дальше.</i>
3.		<i>— Н-ну, прорвы! Н-ну, прорвы! Ужели не видите, что ери жабрами зеват?</i>
4.		<i>— Мой-то! Малой-то! Чего утворил!.. Послушай-ко, послушай-ко, девка!</i>
5.		<i>— Миленький, не падай! — сначала шептал, потом закричал не своим голосом Санька и помчался к заимке. — Не па-а-да-а-ай, миленький... Не па-а-ада-ай!..</i>
6.		<i>— Ох, девки, девки! Блядишшы вы блядишшы, я пропаду, и вы пропадете.</i>
7.		<i>Стыдобушки-то Сраму-то! Смотрите, люди добрые, как у нас ворота расхабарены!</i>
8.		<i>— А вот и жена моя, Васеня, Василиса Семеновна Харроший человек! Ну, че ты, чу ты уставилась? Судишь меня? А за что судишь? Я ж тут свой! Еще свой-то какой Правда, тетка Катерина?</i>
9.		<i>— Ба-а-аба-а-а! Ба-а-абонька-а-а! Тону я! Ой, тону-у-у!</i>
10.	риторические вопросы	<i>Да что же это такое?! Где-же люди-то? Чего же они смотрят?!</i>
11.		<i>— А-а, дерево-то? А как же?!</i>
12.		<i>Но надо мной должно быть небо, как же так?</i>
13.		<i>— Дак чего делать-то, бабушка Катерина?</i>
14.		<i>— Помрет вот бабушка, че делать-то станешь? С кем жить-то? С кем грешить-то?</i>
15.		<i>— О Господи прости, что это со мною? Чисто с угару!</i>
16.		<i>Ты чего, отец? Умер ли, чЕ ли? Прямо беда с тобой...</i>
17.		<i>— Где это тебе такую чуду Бог послал? — мирно прогудел дедушка.</i>
18.		<i>До собак ли? Остановилась это я, смотрю на горюна и плачу, про Витьку нашего думаю.</i>
19.		<i>— А подь ты к лешему? — оттолкнула она баловня.</i>
20.		<i>— Да откуль напасть такая, да за что же она сиротиночку ломат, как тонку тали-и-инку... Ты долго кряхтеть будешь, толстодум? Че ишишэи? Вчерашний день ишишэи?</i>

21.		<i>И куда же мне вас положить? И чем же мне вас натереть?</i>
22.	синтаксические повторы	<i>И правда, на голос зорьки — зорянки, ответило сразу несколько голосов — и пошло, и пошло!</i>
23.		<i>— Гусаньки, гусаньки! — звал я, глядя на сбившихся в кучу гусей.</i>
24.		<i>Господи, Господи! — вздохнула бабушка, прикрывая за Васей дверь.</i>
25.		<i>— Держи! Держи! — Мишка приблизился, доску мне сует.</i>
26.		<i>— Ну, вылезай, вылезай! — закричали ребяташки. —</i>
27.		<i>И сидят, и сидят!</i>
28.		<i>— Деда, а деда, сено сегодня будем метать или завтра?</i>
29.		<i>...вливалась в мое сердце и звучала, звучала, звучала...</i>
30.		<i>— Не мылься коло Любы-то, не мылься, ступай с мужиками на сеновал, пости.</i>
31.		<i>— Да поешь, поешь...</i>
32.		<i>Свят-свят!- хотел уж я</i>
33.		<i>— Я-а-авишиша, я-авишиша домой, мошенник!</i>
34.		<i>— Ну, подняли, подняли! Рука-то не казенная!</i>
35.		<i>— Задавил, ой задавил, нечистый дух! Эко силищи-то Вот бы на работу ее истратить...</i>
36.		<i>Вон твои рукавицы. Вон твоя шапка!..</i>
37.		<i>— А вот не бродяжничай, не бродяжничай!</i>
38.		<i>— И не запирай! И не запирай! — кричала бабушка с крыльца.</i>
39.		<i>— И я не запру! И я не запру!</i>
40.		<i>Дивуйтесь! Поло! Кругом поло! У тебя поло-то! У тебя!..</i>
41.		<i>— Ха-рашио-о-о! Харр-ра-шо-о-о! Очень даже славно!</i>
42.		<i>— Ну-ко, ну-ко, милушка, скажи баушке стишок</i>
43.		<i>— Посидишь вот голодом-то, посидишь!.. Ишь, сбрындил! Че и сказала-то! Ну, не выпивал, дак не выпивал.</i>
44.		<i>— Созови дедушку-то, созови. Бычка колоть надо. Делов полон двор... Созови. Он надравный, но тебя послушат... Созови, батюшко...</i>
45.		<i>Я тоже нервенная, тоже могу лишнее брякнуть...</i>
46.		<i>Конишку-то, конишку забьет! В ем, в крехтуне, зла этого... Ой, забьет...</i>

47.		— <i>Н-но, Ястреб! Н-но, Ястребушко!</i> — шевелил вожжами дед и к дому подкатил на рысях.
48.		— <i>Я-ави-ила-ась, голубушка, я-а-ави-ила-ась!</i>
49.		— <i>Нет уж, нет уж, Любанька, не перечь!</i>
50.		— <i>И слава Богу, и слава Богу! Он ведь хороший, шибко хороший. Из всех парней разумница...</i>
51.		— <i>Счас я, счас, мужики.</i>
52.		— <i>Баб, а баб, а как мы его звать будем?</i>
53.		— <i>Шарика вертят! Шарика вертят!.. Цыть! Язвило бы вас! Цыть! Волки ободранные!..</i>
54.		— <i>Во, штурела, курва, во штурела!..</i>
55.		— <i>Я-ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? — выговаривала бабушка Шарiku.</i>
56.		— <i>Не лезь за ворота, не лезь!</i>
57.		<i>Так-то ты меня послушал? Так-то ты моему наказу внял?</i>
58.		— <i>Сегодня, сегодня, — ответил за него Кольча-младший.</i>
59.		— <i>Вы дождетесь, вы дождетесь!</i> — обещали нам то бабушка, то Кольча-младший.
60.		— <i>Ловок ты, ловок!</i>
61.		<i>Я все едино тебя удозорю и натычу, натычу!..</i>
62.		— <i>Конем, конем.</i>
63.		— <i>Ешь, да? Ешь, да? А домой че? А домой че? — спрашивал старшой и давал кому-то тумака после каждого вопроса.</i>
64.		— <i>Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя! Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел все, что удалось собрать.</i>
65.		— <i>Не спишь ведь, не спишь! Я все-о вижу!</i>
66.		— <i>Ну, што ты, што ты? — успокаивал меня дед, обирая большой рукой слезы с моего лица. —</i>
67.		<i>Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.</i>
68.		— <i>Я больше... Я больше... Я больше... — и ничего не мог дальше сказать.</i>
69.		— <i>Бери, бери, че смотришь? Глядишь, зато еще когда оманешь баушку...</i>
70.		— <i>И ладно. И ладно.</i>
71.		<i>Ты говори, говори. Ишь, и слов у него нету.</i>
72.		— <i>Правда-правда, — подтверждал я поскорее, чтоб</i>

		<i>только бабушка пороть штаны не принялась, не отложила бы работу.</i>
73.		<i>— Полегче, полегче! Жало вывожу.</i>
74.		<i>— Ступай, ступай! Будет.</i>
75.		<i>Ну грамотей, ну грамотей!</i>
76.		<i>— Правда, Санька, правда. Я сама, не сойти мне с этого места, сама отвезу вас в город, и к Волкову, к Волкову. Знаешь Волкова-то?</i>
77.		<i>— А школа? Школу он заснимет?</i>
78.		<i>— Школу-то? Школу? У него машина, ну, аппарат-то не перевозной. К полу привинченный, — приуныла бабушка.</i>
79.		<i>— Чего я? Чего я? Зато Волков в рамку сразу вставит.</i>
80.		<i>— Поправляется, поправляется, — ответила за меня бабушка и, конечно же, не удержалась, чтоб не поддеть меня.</i>
81.		<i>— Ничего, ничего! — успокоил меня учитель. — Фотограф, может быть, еще приедет.</i>
82.		<i>— А я что ему толкую? Я то же и толкую...</i>
83.		<i>— И слава Богу. И слава Богу. Они, робятишки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя!</i>
84.		<i>— Ой, змея, змея!..</i>
85.		<i>— Не бейте через плечо! Не бейте через плечо! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он бил и бил змею, пока та не перестала шевелиться.</i>
86.		<i>— Уйди с глаз моих! Уйди, гад, лучше! Уйди! — закричал я и начал швырять в Саньку горстями грязи.</i>
87.	риторические восклицания	<i>Зорька поет! Зорька поет!</i>
88.		<i>Ох, тошно мне, тошнехонько!</i>
89.		<i>— Ой, горе, горе! Да что же это такое!</i>
90.		<i>Ах ты, умница! Ах, ты умница!</i>
91.		<i>— Страсти-то, страсти-то какие! Куды это мы, Витька, идем?</i>
92.		<i>— Бр-р-рам! — повалился я с воза, подскочил, во что-то головой торнулся, аж искры из глаз брызнули.</i>
93.		<i>— Так я и знала! Так я и знала!</i>
94.		<i>О Господи, Господи! — Она косила глаза на лампадку</i>
95.		<i>— Ах, нет?! Сиди тоды да завтрава.</i>
96.		<i>— Тошно мне! — всплеснула бабушка руками. —</i>

97.		<i>Да и я, брат, не лопоуха!</i>
98.		<i>— Ах, рученьки мои, рученьки! — тихо причитала бабушка. —</i>
99.		<i>— Так я и знала! Так я и знала! — проснулась и заворчала бабушка.</i>

Рабочий лист № 1.

<p>Слова, которые оценивают факты, явления или признаки, характеризующие что-то или кого-то.</p>	<p>Слова, используемые в переносном смысле.</p>	<p>Слова, передающие положительное или отрицательное отношение говорящего к кому-либо и чему-либо.</p>

Рабочий лист № 2.

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог и не желал разбирать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы скорее помереть. Но сделалось жарко, глухо, стало нечем дышать, и я открылся.